

Пётр Червинский

Предметный мир примет и поверий

(Семантика повседневности)

Пётр Червинский

Предметный мир примет и поверий (семантика повседневности)

<https://litres.ru/74662817>

SelfPub; 2026

Аннотация

Какой мир открывается перед нами в русских народных приметах и поверьях? Кто населяет его, какие силы управляют событиями и почему самые обычные вещи приобретают особое значение? Пятая книга серии посвящена скрытым смыслам народных верований. Автор исследует, как в них взаимодействуют люди, животные, предметы, природные явления и невидимые силы. Через приметы и поверья раскрываются представления наших предков об устройстве мира, месте человека в нём и его отношениях с окружающей действительностью. Но книга не ограничивается толкованием отдельных примет. Автор показывает, что за их многообразием стоит целостная система взглядов со своей внутренней логикой. Поняв её закономерности, можно увидеть, как складывались народные представления о мире, почему возникали те или иные

поверья и каким образом они помогали человеку объяснять происходящее.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

151

Пётр Червинский

Предметный мир примет и поверий (семантика повседневности)

Пётр Червинский

**Предметный мир примет и поверий
(Семантика повседневности)**

Recenzent

Andrzej Sitarski

Оформление и техническая редакция

Анна Болотова

Оглавление

Кое-что о предметном мире поверий-примет 5

Некоторые особенности проявления того, что нечеловеческое, в отношении человека 8

О правильном поведении человека (на примере с баней и банником) 18

О позиции человека в предметном мире своего пребывания

ния 20

О приобретаемых (преобразуемых) состояниях 24

О семантике отражаемых в повериях предметностей 25

О результирующем характере себя повторяющих положений 28

Описание единиц релятивного класса 34

Многообразие проявлений концептуально-предметных форм 36

О внутренней регуляции повседневного бытия 41

О параметрах и единицах парадигматического устройства 43

О системах и признаках описания 51

О моделирующих формах возможных значений 62

Об особенностях сигнификативного класса (первый подход) 63

Параметры описания сигнификативного класса 68

О различении категориальных значений 71

О соотношениях категорий 79

О традиционных проекциях встречаемых в повериях предметностей 80

Об уровнях проявляемых значений 83

О соотношении левой и правой частей (состава поверия или приметы) 87

О подзначениях категориальных значений 93

О сочетании признаков в составе поверий-примет 96

О знаковых объявлениях в наблюдаемых формах 109

- Обобщающее заключение в отношении сигнификативного класса 119
- Категориальные проявления аффективного класса 122
- О формах возможного предписания (на примерах с венниками) 124
- О концептуальном составе определяемых единиц 128
- О семантике действующих аффективно предметов 131
- Описание категориальных значений 133
- Уточнение понятия класса в определяемой системе 141
- О когнитивных проекциях классов 145
- О "словарном" и парадигматическом в описании семантических единиц 160
- О категориально-позиционной ориентированности того, что вербально 162
- О концептуальных особенностях аффективного класса 176
- О моделирующих типах определяемых повериями знаний 180
- Понятийно-предметное представление одного концептуального компонента (на примерах 'гостя' и 'ссоры') 183
- Об отношении 'внутреннего' к тому, что 'вне' 190
- 'Гость' как позиция и отношение 193
- О предизирующих и знаковых определителях 'гостя' 202
- О том, что привносится с появлением гостя 208
- О сопровождающих признаках, связанных с гостем 211
- О пребывании в гостях с его смысловыми последствиями

О хождении в гости 218

О 'ссоре' и том, что ее вызывает (в предметном мире поверий-примет) 223

Подходы к определению 'повседневности' (на материале 'ссоры') 232

Параметры определения 'повседневности' 238

О парадигмосистеме поверий-примет 242

Проекции моделирующих признаков к материалу 251

'Повседневность' в объединении ее составляющих оснований 257

Литература и примечания 266

Streszczenie 327

Summary 330

Кое-что о предметном мире поверий-примет

Говоря о предметном мире, связываемом с повериями и приметами и объясняемом ими, ибо в этом исходный их смысл, в первую очередь, стоит задуматься над особенностями его устройства, с тем чтобы понять то, что он собой представляет. Это и тот и одновременно не тот мир, в котором привычно находится и живет человек. Не важно при этом, воспринимается он как действительный (с точки зрения носителей определенной ментальности) либо как искаженный, реальной действительности не соответствующий, не совпадающий с ней и ею не покрываемый (с позиции рациональ-

ного взгляда на жизнь). Важно то, что поскольку он в таком своем отражении существует и поскольку связан с сознанием, национально аранжированным и ориентирующим, способен он, прямо ли, косвенно, на таковое влиять, а даже если и не влияет, представляет, как бы к этому ни подходить, определенный информативный кумулятив, систему знаний и представлений, на которую стоит смотреть как на определенную концептуальную данность.

Особенность этого отображенного и преображенного мира, в отличие, скажем, от мира художественного, впрочем, не только его, также являющегося отображением и преображением имеющейся в том же сознании реальной действительности, по крайней мере так интерпретируемой и воспринимаемой, – его таковая особенность определяется тем, что это мир, для сознания существующий, мир реальный и действующий, как то, что есть, и по законам и правилам которого организуется соответствующим образом жизнь. И раз так, то его стоит рассматривать и изучать в его устройстве и характерном для него воплощении. Видимым либо не видимым образом так понимаемый мир влияет не только на иррациональное и дологическое сознание, но и на сознание как таковое, поскольку те отношения и параметры, которые можно представить как характерные для него, себя повторяют, не обязательно в том же виде, в других каких-то мировоззренческих и концептуальных системах.

Прежде чем что-то вывести и о чем-то более или менее

ясно просматриваемом говорить, с тем чтобы подойти к какому-то структурно-системному представлению, оттолкнемся для большей определенности от примера. Для того, чтобы, с одной стороны, увидеть, а с другой, показать, что и как хотелось бы и было задачей установить, с точки зрения предполагаемых приемов, характеристик и способов, для достижения того, что задумано в его результате.

Возьмем для такого предварительного анализа материал, который, с одной стороны, согласуется, едва ли не прямо, с разбираемыми единицами поверий-примет, а с другой, не будучи равным им, представляет интересующий нас предметный мир несколько в большем и прорисованном виде. Таким материалом, для предварения подходящим, виделось то, что принято определять как былички, или, иначе, мифологические рассказы, объектом изображения в которых выступают события или явления, представляемые как реальные, как то, что имело место и произошло, без отнесения к их сомнительности либо несомнительности и соответствующей, следующей из того, оценки. Важным было бы подчеркнуть, что материал этот будет использован в определенном ключе – как содержащий в себе отражение события (то, что фактического, т.е. действительного, можно не добавлять, однако имея это в виду). С одной стороны. А с другой, – как такой, в котором находит свое выражение предметный мир, наглядно передаваемый фрагмент его, бывший объектом предпринимаемого описания. Приведем два примера (с тем, чтобы

их сопоставить), выбранных для такого задания, полностью, что позволит ничего, как неважное, не упустить, и в то же время наметить необходимые для описания возможные повороты и следствия. Выбранные примеры представляют себя повторяющие сюжеты с банником и вместе с тем согласуются с тем, что находит свое выражение в материале поверий.

112. Раньше ведь строили бани по-черному. Ну, вроде зимовейку построят и такую примитивную печь из камня. Ну, чтоб стена-то не горела, эту печь вплоть не ставят к стене, а там щель остается, ну, примерно, сантиметров где-то двадцать.

Так вот, нам все старики говорили: «Ребятишки, если можете в бане, один другого не торопите, а то банник задавит». Вот такой, дескать, случай был.

Один мужик мылся, а второй:

– Ну че ты там, скоро или нет? – Раза три спросил.

А потом из бани-то голос:

– Нет, я еще его обдираю только!

Ну, он сразу это... побоялся, а потом открыл дверь-то: а у того мужика, который мылся, одни ноги торчат! Он его, банник-то, в эту щель протащил. Такая теснота, что голова сплющена. Сам же он не мог бы так полезть, чтобы голова-то сплющилась.

Ну, вытащили его. А ободрать-то он его не успел.

115. У нас в Еремино дед один... Константин, кажется, попался баннику.

Они с бабой в баню ходили. Баба-то уже оделась, а дед взади остался. Ему шапку да тулуп одеть осталось. Баба ему и говорит:

– Я уж пойду, а ты догоняй.

Домой пришла, а деда пятнадцать минут нет, двадцать... Побежала она в баню. А старик-то в предбаннике лежит, весь голый. Ну, живого его захватили еще.

Он потом сам рассказывал: схватили его, раздели, на пол-лок утащили, а потом с полка стаскивать начали. Кто за ноги, кто за голову тащит. И душат, и мнут...

Вот отсюда-то и идет: ходи в свой пар^{1*}.

Первый абзац описанного под номером 112 происшествия содержит объектные обстоятельства, позволяющие представить его объясняемые признаки. При этом причина того, что случилось, не в том, что и как находилось в бане, а в неправильном поведении человека, несоблюдении им известного правила. Если идти по порядку, первое, что себя объявляет, это то, как раньше строили бани. Важно при этом а) то, что по-черному, т.е. без дымохода; б) то, что с примитивной печью из камня внутри; с) то, что «печь вплоть не ставят к стене», и тогда d) «там щель остается, примерно сантиметров двадцать».

Тем самым, с одной стороны, имеется не называемый, но предполагаемый, дым, неизбежный в бане по-черному, да к

¹ * *Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири*. Сост. В.П. Зиновьев, Новосибирск: Наука, 1987, с. 81, 82.

тому же из примитивной печи, отчего в такой бане можно и угореть. Опасность, связанная с бытовыми причинами, при которых некое A допускает возможность B при C ($A > B(C)$), A ведет к B при каких-то условиях C). В то же время, с другой стороны, и это вторая часть и вместе с тем сторона того, что представлено в четырех компонентах, обозначенных пунктами a, b, c, d , – имеется щель между не вплоть к стене поставленной печью и этой самой стеной. Щель эта сама по себе не составляет опасности, однако предполагает, как получается, то объектное по своему характеру место, в котором, если не прямо так банник находится и живет, поскольку об этом не сообщается, то выступает местом внутрь втягиваемой направленности при его участии и с его стороны, или тем, куда тот пытается жертву свою протащить. Для того чтобы там, затащив целиком, ободрать. Нечто похожее на мышиную или крысиную дыру в стене, куда те утаскивают свою добычу. Бытовой по своему назначению и характеру место-объект выступает местообъектом действия потустороннего, – банник использует его для реализации собственных целей.

Некоторые особенности проявления того, что нечеловеческое, в отношении человека

Перечисленные предметы в первом абзаце имеют строительно-бытовой, с точки зрения их производства и назначения, а также хозяйственно-эксплуатируемый характер, будучи организованы в своем сочетании так, чтобы могли соответствовать цели использования. В таком сочетании име-

ется баня-постройка с тем, что внутри – примитивной печью из камня и стеной, к которой печь не прилегает плотно, в силу чего остается щель, которая сама по себе не предмет, но открыто-незанятое пространство, отверстие, своего рода прореха, и как таковое становится местом, если не объявления, поскольку не говорится, где именно обитает банник и откуда приходит, то местом действия потустороннего и соответствующего, им для себя, использования. Щель, о которой речь, тем самым, содержит в себе три значения – следствия устройства бани (*конструктивность*), реализации действий потустороннего (*акциональности* с его стороны) и в силу этого, если не способом, поскольку не в этом предполагаемый смысл, то следствием поражения от него человека, ведущего к прекращению жизни (*эксанимативности*).

Это последнее предполагает способность использования потусторонним того, что имеется как человеком организованная и устроенная им для себя конструктивность, для достижения собственных целей. Охарактеризованные предметы, точнее предметности, то, что видимо, создано и существует, подразделяются, с точки зрения семантической, на две, референтно пересекаемые, группы – имеющие отношение к человеку, с одной стороны, и такие, которые допускают, имея к нему отношение, проявление в себе того, что не от человека и может быть не только опасным, но и поражающим, вредоносным и умертвляющим для него при подключении к ним чего-то или кого-то потустороннего. Баня сама

по себе является именно такого рода местообъектом, в котором потустороннее пребывает и, в определенных условиях, соответствующим, умертвляющим, образом, в отношении человека проявляет себя¹.

Продвигаясь далее по тексту первой былички (второй абзац), видим, что появляются старики и, через прямую их речь, ребятишки. А также и вместе с тем, такие определяемые действия, как мыться в бане, один другого не торопить и банник задавит, связываемые между собой как условия и неизбежное следствие. Ребятишки и старики, исходя из идеи все той же семантики, относились бы к группе социальной организации в своих представителях, первые – как наделенные необходимыми знаниями, а также опытом, старшие, вторые – как поучаемые, наставляемые младшие, в репрезентации экспериентора и институтора (взаимное отношение учения, передачи знаний и опыта, экспериенции, в группе социальной репрезентации).

В свою очередь, обусловленный трехкомпонентный ряд проектируемых в прямой речи действий предполагает деление на три группы: регулятивно осуществляемых действий со стороны человеческого, направленных на себя (мыться в бане), контактно-коммуникативных действий, связываемых с проявлениями эмотивного состояния (один другого не торопить), и умертвляющих, мортуативных, действий со стороны того, что потустороннее, в их обращенности на человека.

Далее в тексте объявляет себя событийность (*Вот такой, дескать, случай был*), как то, что имело место, произошло, или казус, – реализующее себя в реальной действительности в виде стечения, соединения, действий, субъектов, объектных предметностей, локальных и темпоральных параметрально определяющих обстоятельств. В характеризуемом происшествии имеются двое живых наблюдаемо-видимых человеческого происхождения участников – тот, кто мылся, и тот, кто трижды спросил; участник невидимый нечеловеческий, объявляемый в голосе; другие, также человеческого происхождения и также участвующие в завершении описываемого события, те, которые вытащили того, кто мылся.

Эта, субъектно-агентная, часть события предполагает, тем самым, две различаемых группы – представителей данного социума, без необходимости дальнейшего подразделения их по признакам возраста, пола, социальной позиции и т.п., поскольку для описываемого события это неважно, а само оно выполняет функцию моделирующего регулятивного образца: так будет всякий раз, с любым и каждым, поскольку таков существующий в этом мире, в отношении бани, порядок и правило. Вторая группа отображает себя невидимым потусторонним нечеловеческим, объявляемым в голосе (определяясь как *банник*²), обитающим в месте своего постоянного пребывания (*бане*) и умертвляющим, действуя мортуативным образом, представителей первой группы при

условии нарушения ими необходимого регулятива – взаимодействующего порядка вещей между тем, что есть человеческое и человек, и тем, что таковым не является, выступая взаимодействующим с ним и пространственно либо локально пересекающимся потусторонним.

Вопрос мотива умерщвляющего проявления этим потусторонним того, что выступает встречающимся с ним человеческим, остается не обозначенным, сводясь к представлению о нарушении этим последним определенного порядка вещей. Банник, поскольку о нем в данном случае речь, задавит, если, моясь в бане, один другого начнет торопить³, и задавит при этом того, кого так торопят, а не того, кто это делает, хотя на самом деле он является нарушителем. Из чего возникает идея опасности как того, чему по незнанию либо несоблюдению подвергает один другого, при том, что возможны также и не опосредуемые мортуативные варианты, с предположением умерщвления самого нарушителя. В связи с чем можно видеть стоящую за всем этим и передаваемую в соответствующих формах типологию, на что будет обращать внимание впоследствии. В дальнейшие уточнения по данному поводу входить не приходится, поскольку это в рассказанном не отражено.

Немаловажной видится, к тому же и обозначенная непосредственным образом, троекратность поторапливающего того, кто мылся в бане, вопроса – *Ну че ты там, скоро или нет?* – *Раза три спросил.* После чего *из бани-то голос:* –

Нет, я еще его обдираю только! Исходя из представленного следует предположить, что умерщвление мывшегося наступает раньше. Трудно сказать, когда именно, но, опираясь на то, чтобы не торопить, ибо в этом в разбираемом случае состоит нарушение, видимо, после первого же вопросного поторапливания. Между вторым и третьим таким же вопросом проходит время, и в это время производится то, что затем объявило себя в результате. Вместе с тем голос из бани, приписанный баннику, но который при этом невидим, имеется этот голос и далее следствие-результат, – выступает в виде реакции на третий вопрос, представляя собой при этом ответную реплику на обращенное к мывшемуся. Происходит подмена: умерщвляющий перенимает на себя, в таком вопросно-ответном контакте, роль умерщвленного, того, к кому обращен был вопрос, однако не с первого, а только с третьего раза. Не случайное это число, поскольку типичное. Не только в текстах быличек, но и в других, обрядовых, сказочных, обращение к потустороннему, а также к мертвому и неживому, предполагает необходимую троекратность.

В предпоследнем абзаце раскрывается образ произошедшего, однако не сразу, поскольку задававший вопросы и получивший после третьего раза ответ *побоялся* и только *потом открыл дверь-то*. Снова проходит какое-то время, в которое потустороннее (*банника*) действует, получая возможность дополнительно что-то над убиенным произвести. Открывший дверь видит только торчащие ноги того, кто мыл-

ся, из щели между стеной и печью, плотно к ней не прилегающей. И более ничего, самого банника нет. То, что *Он его, банник-то, в эту щель протащил*, отчего *голова-то сплющилась*, следует как подтверждаемое знанием в отношении банника, а потому достоверное, предположение, подкрепляемое тем, что *Сам же он не мог бы так полезть, чтобы голова-то сплющилась*. После чего наступает, также немало-важное, заключение, – *Ну, вытащили его. А ободрать-то он его не успел*.

Обстоятельства произошедшего умерщвления, тем самым, предполагают а) то, что первоначально банник, после первого поторапливающего вопроса, исходя из того, о чем ранее была речь, скорее всего, того мывшегося задавил (что можно предположить как то, что лишил его жизни, насев на него, навалясь, что объясняется также в итоге угара, поскольку он может и задушить, и не только, и об этом имеются тексты); б) после чего, имея конечной целью его ободрать, с) протаскивает его постепенно в образованную стеной и печью щель головой, д) отчего та неизбежно сплющивается, но уже, получается, после смерти. Конечной цели банник не достигает, поскольку *ободрать-то он его не успел*. Не видится он и после открывания двери: совершив свое, он исчез.

Производимые действия со стороны того, кто представлен как невидимый и объявляемый только в голосе *банник*, тем самым, предполагают три фазы: задавить, протащить за-давленного в запечную щель и, видимо, там его ободрать.

Это последнее с открыванием двери не достигается. Важно и показательно в данном случае, что дополнительное присутствие еще одного лица, того, кто спрашивал и кто открыл потом дверь, прерывает действия банника, обдирания не происходит, и сам он при этом не видится.

Прежде чем произвести обобщение на основе фрагмента того предметного мира, который себя отражает также и в текстах поверий-примет (речь о бане и баннике, однако без полного представления об этом), обратимся к тому, что содержится во второй приведенной быличке (115). В ней также действуют двое (имея в виду человеческое) – *дед один*, который *попался баннику*, и его *баба*, с которой оба *в баню ходили*.

Обстоятельства не состоявшегося умерщвления (что следует предположить, поскольку *живого его захватили еще*) в данном случае выглядят по-другому. Нет поторапливания, нет щели, в которую жертву протаскивают, нет вопросно-ответного обмена с подменной ролей, нет обдирания как цели, которой потустороннее в бане стремится достичь. При том, что оно и на этот раз остается невидимым. Как для бабы, так и для тех, кто *живого его захватили еще*. Неизвестно также, видимым ли было оно для него самого, поскольку из описания – *схватили, раздели, на полок утащили, с полка стаскивать начали, кто за ноги, кто за голову, и душат, и мнут*, – это не следует. Называются производимые действия, а кем именно, кто они и как выглядят, объявляются ли в какой-ли-

бо форме и виде, не говорится. Нет оснований поэтому их какими-то наблюдаемыми предполагать. То, что описано, с таким же успехом могло производиться и со стороны невидимого, которое в данном случае, хотя и сообщается в самом начале, что *дед один... Константин, кажется, попался баннику*, в рассказе в конце самого пострадавшего, было множественно, действуя каким-то необозначенным, а потому и неопределенным, числом.

Важной и отличающей от предыдущего положения видится также причина произошедшего, определяемая формулой *ходи в свой пар*. Остается не вполне очевидным и ясным вопрос, что именно под этим следует подразумевать, кроме общего представления о том, что имеется время для бани, первоначально мужской, так называемый первый пар, затем второй пар, женский, и третий, после которого в баню ходить, согласно имеющимся повериям, нельзя, поскольку в это время в бане моются представители нечистой силы (черти, лешие, овинники, банники).

Исходя из описанного можно предположить, что либо а) дед с бабой пошли в третий пар, однако для подобного заключения нет оснований, к тому же тогда пострадавшими были бы оба, скорее всего, либо б) дед пошел в баню с бабой не в свой, т.е. не в первый, ему, как мужчине, положенный пар, а во второй, т.е. женский, либо с) баба вышла первой, одевшись, и об этом контекст, *а дед взади остался. Ему шапку да тулуп одеть осталось*. И это также определенное на-

рушение – должны были выйти вместе, раз вместе пришли, возможно также, что первым выйти ему, а не ей полагалось. Стоит за этим еще одно не без значения обстоятельство, – дед остается в бане один^{2*}, и над одним, а не над двумя, производятся далее представляемые действия. Невидимая нечистая сила в качестве такового объекта, как получается, выбирает себе одного, действия их имеют направленно единичный, не множественный и не парный характер.

Наиболее вероятным, имея в виду положение *ходи в свой пар*, было бы допустить то, что представлено в пункте (b), с расширяющим уточнением, делающим возможным реализацию действий потустороннего над своей единичной жертвой, к (с).

Небезразличным видится также и то, что сказала баба – *Я уж пойду, а ты догоняй*, что, видимо, не без оснований можно воспринимать как словесную форму-сигнал пребывающему в бане нечистому потустороннему в отношении единичности в ней остающегося. Не будет свидетелей происшедшего, с одной стороны, предпринимаемые действия будут иметь единично направленный, что немаловажно, характер. И в то же время, с другой своей стороны, останется не

^{2 *} Что предполагает не только отсутствие возможных свидетелей, но и повышенную опасность. Не случайны, в тех же быличках, неприятности с преследованиями со стороны нечистых, вплоть до гибели того, кто отважится пойти, особенно если ночью, в какое-нибудь страшное место один, а также предупреждения и запреты в такие места одному не ходить и наказываемая бессмысленность поведения того, кто, обычно поспорив, на это решается.

ясным и не вполне потому достоверным, что именно в бане произошло. То, что *старик-то в предбаннике лежит, весь голый*, где его баба застала, как следует понимать, еще ни о чем не свидетельствует, к тому же *живого его захватили еще*, а все остальное следует с его слов из его об этом рассказа. Невидимая нечистая сила остается невидимой и, что именно она делала и действительно ли, воспринимается в передаче того, над кем что-то было или не было произведено, поскольку нет указаний на нанесенный ущерб его телу, помимо того, что *в предбаннике лежит, весь голый и живого его захватили еще*.

Из всего этого следует, помимо невидимости, а также множественности (в передаче в рассказе) нечистого банного потустороннего, его предпочтительной (если не исключительной) агентивной направленности на единичный объект (мужской в разбираемом случае), еще одно, а точнее два, взаимно связанных обстоятельства.

Во-первых, то, что касается времени: баба – *Домой пришла, а деда пятнадцать минут нет, двадцать...* То, что происходило, произошло не сразу и не в один момент, имея определенную длительность. Нечистая банная сила действует обстоятельно и не спеша. То же было заметно и в предыдущей быличке, при троекратно задаваемом вопросе и открывании двери *потом*, поскольку сразу-то *побоялся*. К показателю времени следует отнести и поучение в первом тексте *один другого не торопите (а то банник задавит)*. Банник

не любит, когда торопят, а поскольку, как было показано, одной из его особенностей является адресная замена ролей, – вопрос, обращаемый к человеку, пусть и с третьего раза, принимает он на себя, на него отвечая, то и поторапливание также, которое в нем вызывает стремление находящегося в бане тогда задавить.

И во-вторых, то, что касается во времени неодномоментных, растянутых и одно в другое переходящих действий. Того старика сначала 1) *схватили*, затем 2) *раздели*, после чего 3) *на полок утащили*, 4) *а потом с полка стаскивать начали*, и это также длилось и происходило не сразу, поскольку *стаскивать начали*, действуя при этом с разных сторон – *Кто за ноги, кто за голову тащит*. Если четыре указанных действия производились в последовательности, сначала одно, потом другое, затем третье и потом четвертое, то еще одно, а точнее объединенных два, в 5) *И душат, и мнут...*, происходит в сопровождающей то ли все четыре, то ли какие-то из четырех, одновременности. Скорее последние два, третье и с ним четвертое, или только четвертое. Не исключено также, что это *И душат, и мнут...* могло иметь самостоятельный, завершающий, вид, становясь в последовательность, а не одновременность к четырем предыдущим и представляя собою то, что могло привести, однако не привело, к утрате жизни и умерщвлению.

Обратимся к еще одному положению, прежде чем подойти к материалу поверий-примет в их соотношении с тем, что

нашло свое отражение в текстах мифологических повествований. Ограничимся тем же источником, с тем чтобы выделить главное, не входя в возможные расширения, вариации и уточнения на другом материале. То, что касается банника, поскольку это обсуждаемый персонажный объект. В Приложениях к сборнику составитель дает «Указатель сюжетов-мотивов быличек и бывальщин», который приводится в соответствии с «Указателем сибирских быличек и бывальщин» того же автора^{3*}, в котором находят отображение следующие особенности проявления банника. В первую очередь, визуального ряда:

БП 1а Банник показывается в образе мужика: заманивает в баню (121).

БП 1б Банник показывается в образе старика (119, 120).

БП 1д Банник показывается в образе маленького голого человечка (118).

Далее следуют те сюжеты, которые предполагают физическое воздействие, в том числе с умерщвлением, с его стороны:

БП 2 Банник сдирает кожу (давит) человека, моющегося в неурочный час; ругающегося; торопящегося; роженицу; парня, пришедшего в баню за кирпичом (112-115).

БП 5а Банник наказывает за мытье в бане в "третий пар":

³ * В.П. Зиновьев, *Указатель сюжетов сибирских быличек и бывальщин*. [В:] Локальные особенности русского фольклора Сибири: Исследования и публикации. Отв. ред. Т.Г. Леонова, Новосибирск: Наука, 1985, с. 62-76. Индексация и порядок – источника, с номерами текстов быличек в скобках.

давит, сдирает кожу; пугает (115).

БП 5е Банник наказывает за появление в бане поздно ночью: пугает; давит (116).

БП 5ж Банник наказывает за постройку бани в неудобном для него месте: больная дочь выздоравливает, когда начинают разбирать баню, чтобы перенести на другое место (117).

И, наконец, сюжеты, связанные с неочевидным явлением (БП 13) – появился в образе человека, и нет, и со слуховым восприятием без визуального:

БП 13 Банник приглашает людей зайти в баню, человек отвечает на приглашение, но в бане никого не обнаруживает (121).

БП 14 Банник моется и моет своего ребенка: поздно ночью слышно, как в бане кто-то парится или плачет ребенок (122).

«Указатель сюжетов русских быличек и бывальщин о мифологических персонажах»^{4**} в отношении банника содержит следующее:

Банник принимает образы: а) проезжего человека... б) старика... в) женщины... г) белой коровы, косматых людей...

Банник сдирает кожу

Подменивает ребенка

Похищает ребенка по неосторожному слову

^{4 **} Составлен С. Айвазян при участии О. Якимовой (Э.В. Померанцева, *Мифологические персонажи в русском фольклоре*, Москва: Наука, 1975, с. 176, для банника).

Наказывает за мытье в бане в "третий пар"

Гадание в бане

Парень женится на девушке из бани

Банник защищает человека от другого нечистого

Нечистая сила ночью в бане: а) девка шьет рубашку, черти ее платье приколачивают к полу, она сбрасывает его и спасается... б) утром находят в бане парня, заколоченного в гроб... и т.д.

Банник не дает людям мыться

То, что следует из представленных в двух указателях проявлений для банника, в первую очередь, характеризует его как существо, способное, при контактах с людьми, принимать различные образы, человеческие и животные (белой коровы), различного пола (мужского и женского), среднего или старого возраста, обычной и незначительной величины (маленького голого человечка), единичные и не единичные (косматых людей). Но при этом, согласно материалу, определенные. Особенность данного признака обусловлена дополнительно тем, что появление его в каком-либо образе может быть неожиданным и таким же исчезновение – появился и вдруг исчез (*дискретивная трансформативность*).

Черта, о которой речь, не может быть, что понятно, приписана исключительно баннику, это свойственно целому ряду подобных мифических персонажей (если не всем). Нас это будет интересовать с точки зрения того, что находит свое воплощение в материале поверий-примет, обусловли-

вая соответствующим образом определяемую далее семантическую позицию. Коль скоро вдруг в каком-либо образе появился и также, а нередко и тут же, сразу исчез, его подобное визуальное восприятие не может определять себя как стабильное, несомненное и закрепленное, оно как круги по воде, всколыхнулось что-то и через какое-то краткое время ушло, вроде бы было, а может, и нет. На эту особенность, определяемую нередко как кажимость – вдруг почудилось, показалось, неоднократно встречаются указания в самом материале быличек. Связывается это также с отличием нечеловеческого, связанного с потусторонне обратным, одушевленного, движущегося и действующего существа, в своих действиях направляемых к человеку, от того, чем есть человеческое, не наделенное сверхъестественными способностями, каковыми являются ведьмы, кудесники, оборотни, колдуны и им подобные, люди и нелюди одновременно.

Второй особенностью (оставаясь в пределах перцепции), также не исключительно свойственной баннику, однако о нем в данном случае речь, является то, что его восприятие может быть исключительно слуховым, – слышится голос, какое-то в бане движение, шорохи, шум, звуки мытья, детский плач и т.п., – без возможности видения. Как невидимое он объявляет себя акустическим образом. Из чего будет следовать частичное, партитивное, восприятие, которое предполагает возможность, в том числе, также тактильного, с его стороны, воздействия и контакта. Невидимое способно над

человеком что-либо производить – толкать, бить, трепать, ударять, касаться, а также, по текстам, душить, давить, мять, без возможности визуального восприятия. Нечто производит какие-то действия, не объявляясь в каком-либо образе.

Исходя из контекстов материала можно было бы заключить, что появление в образе либо неясно случайно, непонятно, для чего появился и появился ли и действительно был, либо предполагает со стороны потустороннего банного какую-то цель в направлении на выбранного им человека – пригласить, заманить в баню, напугать. Вместе с тем то, что связывается с сюжетами умерщвления (задавить, задушить, содрать кожу), вида и образа не отражает, представляется результат, в то время как нет визуального восприятия его самого. Выделенная ранее дискретивность, тем самым, становится определяющим признаком восприятия в целом, перцептивности как таковой.

Следующую группу представляют сюжеты воздействия. Банник наказывает при условии несоблюдения со стороны человека определенных правил, которые сводятся к необходимости а) находиться в бане в отведенное время и без суеты (не ночью, не после третьего пара, в свой пар, без потопливания); б) не появляться в бане, к тому же в неурочное время, за пустяком и предметом спора (кирпич из печки, который парень пытался взять, поспорив с другими, что ночью он это сделает), не производить там не положенных действий (девка, которая шьет рубашку); с) не ставить баню

в не соответствующем месте; d) не браниться в бане, не проявлять агрессии (сюжет 113, побежавший в баню стреляет), не появляться там в состоянии нетрезвости (об этом последнем в повериях). В перечисленных случаях банник ведет себя как хозяин, требующий соблюдения установленных правил, с необходимой расплатой за нарушения (*эксекутивный регулятив*). Причем нарушения эти, равно как и расплата за них в своем выборе четки и ограничены. Сюда же следует относить сюжеты с детьми, предполагающие их похищение или подмену (обменыши) и связываемые с тем либо иным нарушением, несоблюдением человеком каких-либо правил.

И, наконец, еще одну группу представляли бы случаи, связываемые с тем, что банник, действуя в отношении своей бани как человек, и не только он, но также и черти, лешие, овинники, сам в своей бане моется (в третий пар, поздно ночью, после 12-ти) и моет в ней своего ребенка. Во время, в которое человеку этого не положено делать, что связывается отчасти с *эксекутивным регулятивом*, но и имеет свой собственный смысл, определяющий банника с *экзистенциально-физической* стороны, составляя предмет, предполагающий знание, подкрепляемое восприятием (можно услышать, что в бане подобное делается после третьего пара и по ночам). Определить этот признак можно, в отношении банника, как для него характерный *экзистенциально-локативный узитатив*, то, что и как он использует для себя применительно к месту своего проявления и бытования. Воз-

можны также другие его характеризующие параметры, выведение которых, однако, потребовало бы обращения к более полному и обширному материалу, что не входило в задачу. Ограничимся тем, что получено в результате не подробного взгляда на данный предмет.

О правильном поведении человека (на примере с баней и банником)

Обратимся теперь к тому, что содержат и как представляют поверия и приметы. С тем, чтобы сопоставить с выявленным на основе быличек, с одной стороны, равно как и с тем, чтобы вывести то, что для них характерно, с другой. Не будет это исчерпывающий и полный анализ, поскольку задача сводилась к возможности семантического описания, в виде какой-то системы, а следовательно в парадигматическом обобщении, с выходом к допускаемым типологическим положениям, всего того, что имеет свое отношение к повседневности, о которой, применительно к избранному подходу и материалу, еще пойдет речь.

Материал поверий-примет для бани и банника выглядит, согласно выбранному источнику^{5*}, следующим образом:

Ходи в свой пар, а не то банник (домовой, живущий в бане) задушит.

В бане после третьего пара мыться нельзя, так как в это время в бане моются черти, лешие, овиnnики и сами банни-

⁵ * В.А. Кульматов, Т.В. Кульматова: *Русские народные приметы и поверья*. Москва: АСТ, 1999.

ки. Если в это время пойдет кто-либо париться в баню, то живым оттуда не выйдет: черти его задушат, а людям покажется, что человек угорел или запарился.

Нельзя в бане мыться и после 12 часов ночи: банник может задавить.

Нельзя мыться пьяным, иначе банник сдерет кожу и натянет ее на полок.

Женщина не должна мыться в бане первой по причине своей нечистоты.

В бане либо во время купания не снимают с себя креста; банник может удавить, а водяник (бес, сидящий обычно в омутках) – утопить.

Выходя из бани, в кадушке оставляют немного воды, маленький кусочек мыла и веник для банника, чтобы и он мог помыться и попариться. Веники никогда не уносят домой.

Три первых из приведенных поверий соотносятся с тем материалом, который нашел свое отражение в проанализированных текстах быличек. Действия умерщвляющего характера не в свой пар и после третьего пара определяются идентично как удушение. В первом случае банник задушит, во втором черти его задушат, что объясняется тем, что после третьего пара моются черти, лешие, овинники и сами банники. Тем самым, присутствие в бане в этот период времени человека представляется не только как нарушение установленного порядка вещей, но и как вторжение, во времени, в пространство, занимаемое потусторонним. В свою очередь,

не в свой пар подобным характером не обладает, не время, а установленная последовательность будут иметь значение.

Действие того же банника *после 12 часов ночи* определяется с помощью глагола *задавить*. Что касается пьяного, то в рассматриваемом материале его умерщвление выглядит наиболее драматично – *банник сдерет с него кожу и натянет ее на полки*. В быличках то же самое действие связывалось с поторапливанием, а также, в соответствии с Указателем, с моющим в неурочный час, ругающимся, парнем, пришедшим в баню за кирпичом. Что касается названной в том же ряду роженицы, поскольку в приведенных в сборнике текстах этого нет, подобное представление опустим. При том, что имеется нечто другое (113) – шкуру, по определению, банник, сдирает и натягивает на каменке с того, кто *рассердил его шибко* тем, что с ружьем побежал и *раза два успел выстрелить*⁴. Из чего получалось бы, что предпочтительно это последнее действие банника, как наиболее жесткое, связывается с таким нарушением, которое предполагает выведение его из равновесия. Так поступает он, если сердит, и эта сердитость его вызывается, в первую очередь, несоответствующим поведением человека – пьянство, брань, суетливость, деструктивные в отношении бани и агрессивные действия. Хотя это не следует понимать как правило, во всяком случае об исключительности данного соотношения вряд ли придется говорить.

Банник, тем самым, способен задушить (то же самое

также и черти), задавить, удавить (того, кто в бане снимает крест), содрать кожу, натянув ее на полок. При этом одна из особенностей подобного результата выглядит таким образом, что касается это, как следует из материала, одного пребывающего в какое-то время в бане лица, без присутствующих при этом других и, как выходит, свидетелей. Представляется это в пересказе со слов и таким образом (может быть, за исключением содранной кожи), что, исходя из второго поверия, *черти его задушат, а людям покажется, что человек угорел или запарился*. Немаловажное дополнение, связываемое с неочевидностью или, более мягко, недостаточной очевидностью произошедшего, что соотносится с признаком, охарактеризованным ранее как дискретивная трансформативность, – было или не было, то или не то, так ли точно, а может быть, по-другому, появился, действительно ли появился и сделал ли то, что приписано. Нетвердые всё это основания, поскольку никто его толком не видел, а совершивший то, что случилось, к тому же и не объявившись, исчез. Вместе с этим, необходимо предполагать, что нечто за всем этим имеется, соответствующим образом действует и, будь то хоть морок, хоть что-то привидевшееся в смещенном сознании, хоть только видимость, полудрема, а может, и сон, несущественно. Существенно то, что баня такое место, в котором нечто подобное может происходить, и этому нечто, в агентной причине его совершения, для сознания имя *банник*. Ему, а не кому-то или не чему-то другому, *Выходя из ба-*

ни, в кадушке оставляют немного воды, маленький кусочек мыла и веник, с тем чтобы и он мог помыться и попариться. И для него же Веники никогда не уносят домой. Немаловажно это, чтобы и он (мог помыться и попариться), а также неизменное и постоянное в бане наличие веников.

О позиции человека в предметном мире своего пребывания

Отходя от идеи персонифицированных в бане присутствия и агентности, без определения того, что это банник, а с ним и другие (черти, лешие и овинник), не имея в виду также предположения о наличии в бане, как соответствующем месте, каких-либо потусторонних либо не потусторонних или не обязательно потусторонних сил, следует вместе с тем, для задачи предполагаемого описания, признавать, что сама баня — это такое место, в котором определенное нечто, связываемое с опасностью умерщвления, вызываясь также определенными обстоятельствами, провоцируемыми человеком, способно осуществляться и происходить. При таком понимании то, что названо словом *банник*, соотносилось бы с представлением о присутствующем (в бане) потенциале производимого над человеком, реализуемого в нем причинения, в первую очередь, физического ущерба, но также и страха, и при этом не всякого, не любого, а определенного, в своем крайнем случае ведущего к умерщвлению. И это было бы проявлением выводимой на материале поверий-примет семантики.

Продвигаясь далее и группируя получающееся из приведенных с баней и банником единиц, можно себе представить следующее:

А. То, что выражено с помощью таких слов, как *банник, черти, лешие, овинники, сами банники*.

В. То, что передано в виде *задушит (задушат), (может) задавить, сдерет кожу и натянет ее на полки, (может) удавить*. И с этим также (*Если в это время пойдет кто-либо париться в баню, то*) *живым оттуда не выйдет, а людям покажется, что человек угорел или запарился*.

С. То, что себя полагает в определениях *Ходи в свой пар, В бане после третьего пара мыться нельзя, Нельзя в бане мыться и после 12 часов ночи, Нельзя мыться пьяным, Женщина не должна мыться в бане первой, В бане либо во время купания не снимают с себя креста*.

Д. То, что связывается с положением *Выходя из бани, в кадушке оставляют немного воды, маленький кусочек мыла и веник, Веники никогда не уносят домой*.

Е. То, что названо с помощью определения *в это время в бане моются черти, лешие, овинники и сами банники и (для банника,) чтобы и он мог помыться и попариться*.

Отвлекаясь теперь от самих этих слов, можно вывести и, тем самым, увидеть соотношение, при котором *А* порождает *В* при несоблюдении *С*, в каких-то случаях для *В* вследствие *Е*, и с обуславливающей препозицией *Д* для *А*: $A > B(7C)/B(E)/D(A)$.

Вместе с тем то, что стоит за *A*, *B*, *C*, *D* и *E*, определялось бы в следующих положениях, с поворотом к исследуемой семантике: потенциальная каузация (*A*) причиняемого физического либо другого ущерба-вреда, ведущего в крайнем случае к смерти (*B*) вследствие несоблюдения либо нарушения общепринято признаваемого регулятива (*C*); предписываемые, прескриптивные, совершения, связываемые с результативным осуществлением каких-либо определенных действий (*D*), мотивирующие (в данном случае то, что в *A*) состояния. Из чего получались бы, в отношении признаков общего, как ведущие, – каузация (*Caus*) для *A*, причинение ущерба-вреда, при возможности умерщвления (*Mal/Mort*), применительно к *B*, общепринятый регулятив (*Reg*) для *C*, предписания (*Praescript*) для *D* и поддерживаемая общим знанием (*Cogn*) мотивация (*Mot*) с проекцией к *E*.

Еще одним важным, с позиций все той же определяемой семантики, было бы то, что связывается с выражаемым с помощью слова *баня* и тем, что вокруг нее, – тот же *банник* (но на сей раз в ином повороте), *пар*, а также *полок*, *крест*, *кадушка*, *немного воды*, *маленький кусочек мыла*, *веник* (для банника), *веники* (которые не уносят домой). Чем является *баня* как таковая и все остальное в ней, с отношением к ней, применительно к ее определяемой семантике? Отвечая на этот вопрос, неизбежно выходим к тому, что было названо *повседневностью*, или к позиции бани в предметном мире, о котором речь. Имеется мир, в котором наделенный опре-

деленным комплексом представлений (исходящих от изучаемых поверий-примет и связанных с ними) человек живет, в совокупности всех остальных, ему подобных, и того, что их окружает. И эта жизнь его имеет определенный характер и вид, реализуемый при посредстве необходимых предметов и не только предметов. В дальнейшие уточнения на этом этапе не будем входить, относя все это для начала к бане. Как фрагменту того предметного мира и повседневности, о которых речь применительно к взятому материалу.

Баня, с одной стороны, представляет собой постройку определенного вида и назначения, однако это не тот аспект ее, который себя отразил в приведенных повериях. С другой стороны, баня – место, как помещение, в котором нечто реализует себя более или менее регулярно, связываясь в этих реализациях как с отдельным действием, так и с взаимодействием двух различно устроенных и альтернативно соотносимых между собой направленностей – человеческого и от человеческого к нечеловеческому, нечеловеческого и от нечеловеческого к человеческому. Этот аспект ее в материале приведенных поверий находит свое отражение.

Имеется также еще один поворот, непосредственно связанный с повседневностью. Чем является баня, каковы ее назначение и роль применительно к данному положению? С одной стороны и в этом ключе, баня есть объект обладания, поскольку, имея баню, можно при ее посредстве что-то определенное осуществлять, что невозможно при необладании

ею. Однако это лишь разрешающая дальнейшее предпосылка, то, без чего невозможно, но что не есть достижением само по себе. В этом месте подходим к необходимости заключения о роли и назначении бани. То, для чего она существует как предметный объект обладания и что позволяет, тем самым, в отношении человеческой повседневности реализовать. Иными словами, то, что представляет собой мытье с паром в бане для человека применительно к проживанию им своей жизни в ее бытовании.

В подобном ключе в ином своем виде предстанут и все остальные предметности – тот (те), кто ходит и моется-парится в бане; тот и те, кто в баню не ходит, но в ней обитает и, обитая, также моется-парится в ней, а кроме этого определенным образом и влияя, воздействует на того (тех), кто ходит и моется в ней. И далее перечисленные на основе выбранного материала такие предметности, как полоч, (нательный) крест, кадушка, немного воды и все прочее. При таком повороте баня не объявляет себя как того же ряда предметность, но как способствующее реализации, в определенной части, средство и способ для достижения субъектами, также определенного, состояния в проживаемой ими своей повседневности и как само, но не то же самое, состояние. То, в какой именно части она выступает как средство и способ, и будет квалификацией бани и ответом на задаваемый вопрос, в котором взаимодействуют, сочетаясь, три составляющих – то, что касается повседневности в отношении человека при-

менительно к бане, то, что касается его самого (для его повседневности и в отношении к бане), и то, что касается собственно бани, с теми же уточнениями – для повседневности и для тех, кто ее для себя и в себе проживает.

В том же ряду то, что касается бани в указанном повороте, следует соотносить с тем, что в сознании фигурирует применительно к дому, хозяйству, домашней скотине, полю с его работами, лесу как объекту, необходимому человеку для осуществления чего-либо, и т.п., представляя во всей своей совокупности функциональное окружение, в котором субъект постоянно находится и живет. Не дополняя по мере возможности ничего от себя и стремясь обретаться в предполагаемых, хотя не проявленных, в приведенных повериях, условиях, сконцентрируемся на том, что очевидно и видимо. Баня – то место, с одной стороны, в котором моются-парятся, с определенной периодичностью и в надлежащее к этому время. А с другой, принадлежащее и не полностью принадлежащее человеку, с постоянным присутствием в нем того, что себя проявляет как потенциально опасное потустороннее, отношения, взаимодействие с которым следует установленным правилам подчинять. Иными словами, то достижение, точнее было бы говорить, достижение того, что заложено в бане и что она допускает, связывается с необходимостью соблюдения общепринятых регуляций. Признак, который можно усматривать как едва ли не общий для самых различных мест и предметностей повседневного мира пове-

рий-примет.

О приобретаемых (преобразуемых) состояниях

Возвращаясь к исходному положению о бане как месте в его назначении, необходимо задаться вопросом, с обращением к проецируемой семантике, что означает это самое *мыться* и *париться* для человека в проживаемой им повседневности, реализацией чего оно выступает. Непротиворечивым видится замечание, что в категориальном своем отношении связывается оно с тем, что можно считать состоянием, не то, чтобы изменяемым (в результате пара-мытья), не то, чтобы освежаемым и обновляемым, что, впрочем, вовсе не исключено, но не является определяющим. Не случайными видятся, в поисках подходящего определителя, то, что в бане банник сдирает кожу (и натягивает ее на полок), то, что давит и душит, то же самое делают черти и другие нечистые в ней, то, что как это было в быличке (115), попавшегося им человека хватают, раздевают (оставляя потом в голом виде), тащат его на полок, с полка затем стаскивают, кто за ноги, кто за голову, душат, давят и мнут. Немаловажным и дополняющим видится также и то, что жертва подобного обращения (опуская нарушенный ею регулятив) единична, свидетелей нет и, что также нашло свое отражение в сюжетных мотивах быличек, в каких-то, необъясняемых, впрочем, случаях, потустороннее в виде банника, а точнее банника в каком-либо человеческом виде, предполагая при этом и обращение голосом, – в баню заманивает и приглашает.

Все это можно видеть как не до конца, может быть, осознаваемый, а потому нередко метафорически представляемый, способ перерождения, смены прежнего, неумытого (если не грязного) и не свежего, застоявшегося душевно-телесного состояния с обретением, достижением в результате парамытья, состояния нового, освеженного, преобразованного. Не случайным видятся в этом контексте общеизвестные представления, выражаемые также вербально, о том, что после бани *как вновь родился, другим человеком себя почувствовал, что будто тело и душу сменил, что душа ожила* и т.п. Что это как не сдирание старой кожи с получением новой? В этом что-то змеиное, с одной стороны, и иницилирующее, переводящее на очередную ступень, с другой. Подобная роль в отношении бани реализует себя перед свадьбой⁵, как обрядово необходимое действие – смыть с себя старое, подготовив к новому состоянию (как одно из возможных значений и как итог-результат).

О семантике отражаемых в повериях предметностей

Баня, тем самым, как место, как действие и как явление, отмечает границу и вместе с тем переход от одного состояния человека к другому, преобразуя, меняя и обновляя телесно-душевное его естество. И этим, как переход и как форма производимого обновления, естественным образом объясняется также ее неизбежная связь с умерщвляющим потенциально потусторонним, его присутствие и неперемное

пробывание в ней. В проекции к этому потустороннему, в ее баннике и чертях, она проявляет себя как самостоятельное действующее, не зависящее от человека и не поддающееся ему (как хозяйственное, скажем, орудие) существо. Баня есть при таком понимании, в сочетании и выражении одушевляющих сущностей в ней, не что иное, как медиативно-трансформативный прием, будучи средством и вместе с тем способом преобразования человеческих состояний. Не любых и не всяких, а таких, которые связываются с паром, катаньем и мытьем. Стоит вспомнить уместную к данному случаю поговорку *не мытьем, так катаньем*, которую можно в контексте определяемого воспринимать как неперенное в основе своей достижение состояния, независимо от воли-желания подвергаемого таким действиям человека.

Исходя из сказанного, в представлении трех указанных составляющих, в отношении повседневности, человека и собственно бани, в банно-определяющем, скажем так, их единстве и сочетании, возможным видится говорить о них как о формах трансформативно-иммутативного значения категории состояния, в показателях субстанционально-бытийного (для повседневности), субъектно-объектного (для человека) и медиативно-объектно-субъектного (в отношении бани с ее курирующим и надзирающим населением) проявлений.

Своими значениями в этом ряду обладать будут также нашедшие свое отражение в приведенных повериях предмет-

ности, предполагая каждая свое место в нем. Учитывая то, что *полок* (начиная с него) фигурирует в разбираемом материале как то, на что банник натягивает сдираемую кожу (опуская другие его назначения), и, в быличке 115, как то, куда утащили, а потом стаскивать начали, кто за ноги, кто за голову, и *душат* при этом, и *мнут*, те, кто за этим стоят и подобные действия производят, – его значение в отношении трансформативного иммутатива для категории состояния можно определять как предметно реализующую себя градуальность, ступень, или градацию, производимого, возможно иницилирующего по своему характеру перевода, предполагающего конечный и объявляемый этап умерщвления (при сдирании кожи) либо этап вспомогательно-промежуточный (при втаскивании). Из чего получалось бы, что заложенный в бане трансформативный иммутатив предполагает возможность ступеней, и с этим различной в порядках ступеней. Что понятно и объяснимо, если представить характер последовательно производимых действий при банном мытье.

В свою очередь, *пар* (отвлекаясь в нем от того, что в рассматриваемых повериях и быличках не выражено), как *свой пар*, *третий пар*, и тогда *второй* и *первый*, отмечая периоды производимого в бане трансформативного иммутатива, будет иметь значением фазовость (подобно фазовым глаголам в грамматике, с их начинательностью, продолжением и завершением). Фазовость, которая реализует себя в акциональности трансформативного иммутатива – с тем чтобы по-

лучить *первый, второй, третий* и для кого-то *свой пар*, необходимо нечто определенное в бане сделать, какие-то манипулятивные по своему характеру действия произвести.

Крест (нательный), фигурируя как предмет, который *в бане либо во время купания не снимают*, поскольку *банник может удушить, а водяник – утопить*, предполагает в своей подобной проекции две взаимосвязанных функции, – как то, что, имеясь на теле, и это первая функция, связываемая с ношением на себе, предохраняет от вероятной смерти, впрочем, не от нее самой, а от того, кто ее производит (вторая). И это было бы в своей совокупности аппликативно-репульсивным значением (подзначением) секуритатива (безопасности) трансформативного иммутатива для бани.

Кадушка, немного воды, маленький кусочек мыла, веник (для банника), *веники* (которые не уносят домой), применительно к тому, что представлено в материале, без обращения к другим функционально характеризующим их сторонам, можно рассматривать, предполагая дальнейшую дифференциацию: *кадушку* – как емкость, помещение, в отношении *воды* – как субстанционального средства, *кусочек мыла* и *веник, веники* – также, но как объектно-предметные, средства, различающиеся типом использования и назначения, однако все это будет неважным в их содержащем контексте, а в нем – как средства, обеспечивающие (суппедитив) регулятивно-контактную субъектно-агентную безопасность трансформативного иммутатива для бани.

Признаки обеспечения (суппедитива), контактного регулятива, субъектности, агентности, безопасности (секуритатива) и пр. следует видеть и представлять как значения тех или иных категорий, находящие свое выражение в том, что можно усматривать как формы, содержащие их в себе. Подобно грамматическим формам в морфологии, типа *шел*, с ее значениями изъявительного наклонения, действительного залога, прошедшего времени, мужского рода, единственного числа, несовершенного вида. Таковыми формами, однако, не будут сами слова *кадушка*, *немного воды*, *маленький кусочек мыла*, *веник* и *веники*, но те представления, которые за ними стоят и которые могут вербально передаваться и как-то иначе, – применительно к емкости (*кадушка*) субстанционального средства (медиатива), *немного воды*, объектно-предметных средств реализации обозначенного суппедитива, *кусочек мыла*, *веник(и)*, в их отношении к контактному регулятиву, субъектности и т.п. трансформативного иммутатива.

Выглядеть все это во взаимосвязи могло бы следующим образом:

Трансформативный иммутатив (*баня как пар и мытье*)

- локус (*баня*)
- потенциальный мортуатив
- акция (*пар и мытье*)

- агенты (*банник и пр.*)
- фазы акции (*выход из бани*)
- формы (*задушить и т.п.*)
- фазовость
(*первый, второй, третий пар*)
- темпоратив
(*12 часов ночи*)
- субъекты
(*те, кто моются-наряты в бане*)
- мортуативный объект
(*пьяный, не в свой пар и пр.*)
- не примарный субъект
(*женищина*)
- дефинитивный результатив
(*угорел, запарился*)
- импургативное состояние
(*нечистота*)
- субъекты
(*люди, которым покажется*)
- контактный регулятив

(формы и средства)

- секуратив

(формы и средства защиты)

- адресативный субъект

(банник)

- аппликатив-репульсивный

(нательный крест)

- суппедитив

(оставление для банника)

- медиатив *(его формы)*

- субстанциональный

(немного воды)

- емкость *(кадушка)*

- объектно-предметный

(мыло, веник(и))

О результирующем характере себя повторяющих положений

Опустим дальнейшее рассмотрение того, что касается бани, поскольку не в полном и не в исчерпывающем описании

всего имеющегося в материале состояла задача, а в выведении параметров и критериев определяемой семантики. Обратимся к еще одному, представляющемуся существенным, положению, из которого будут следовать вероятные типы исследуемых концептуальных и семантических единиц (отражаемых в виде слов в повериях и приметах) и связанные с данными типами, но ими не определяемые, разряды (классы), к которым получаемые единицы следует относить, с обуславливаемыми этими классами категориями с их значениями и подзначениями. Для наглядности, на основе которой будет затем выводиться необходимое обобщение, поскольку в противном случае это сложно было бы представлять, всё перечисленное, начиная с типов и завершая значениями с их подзначениями, с установлением видов, порядков и рангов того, о чем речь, – всё это будет показываться на примерах, связанных с повседневностью, которую, в ее концептологическом и семантическом отношении также впоследствии предполагается определить.

Для отличия, подводящего к закладываемой типологии, рассмотрим примеры, принципиально иначе, по сравнению с приведенными к бане, отображающие вероятные связи чего-то одного с чем-то другим, что также необходимо будет установить:

Если носить всегда при себе камень аметист, то он удержит и исцелит человека от пьянства и запоя.

Встречу с пустыми ведрами истолковывают как то, что

начатое дело будет безуспешным и задуманное не исполнится.

Нечто, в первом примере это будет предмет, *камень аметист* (опуская характер включаемого взаимодействия с ним), но возможно и что-то другое, не только предмет, способно, используясь каким-либо образом, как именно, на данном этапе неважно, воздействовать на что-то другое, что, будучи небезразлично, желательно либо нет для субъекта, представляемого как адресат.

Второй пример отражает иное. Нечто, в данном случае *встреча с пустыми ведрами*, имеет место как таковое, само по себе, не предполагая участия со стороны наблюдателя, и это нечто становится тем, что имеет значение для также адресативно характеризуемого субъекта, показывая и определяя что-либо для него. *Безуспешность задуманного* в приведенном примере.

Вспоминая примеры с баней, приведем только первый, но все они однотипны, – *Ходи в свой пар, а не то банник (домовой, живущий в бане) задушит*, – следует заключить, что он отличается от двух предыдущих. Необходимо что-либо сделать или, напротив, чего-либо не совершать, чем-либо руководствоваться, что-либо (при наличии определенного знания) соблюдать, для того, чтобы избежать нежелательного, нередко опасного, в своем следствии результата.

В первом случае предполагается подключающий и воздействующий характер. Если использовать соответствующую

щим образом некое определенное A , то получится, выйдет и следует ожидать такое же определенное B , которое воспринимается, по каким-то причинам, как желательное: $A > B$ – функциональное по своему характеру A ведет проецируемо-предполагаемое в его достижении B . Тип подобного рода организуемых единиц можно определять как воздействующий (аффективный).

В свою очередь, то, что имело место с пустыми ведрами, встреча с ними, предполагает такое A , которое является соответствующим знаком, значением B для столкнувшегося с этим, увидевшего его на своем пути, воспринявшего субъекта. Небезразличным в данном случае является то, что встреча с пустыми ведрами означает безуспешность дела, которое уже начато, неисполнение уже задуманного. Для того, чтобы встретить определяемое представляемым образом нечто (*пустые ведра*), необходимо идти, но не просто куда-либо направляясь, а в соответствии с тем, что задумано, начатым делом. И тогда эти самые ведра обозначают то, что необходимо представить как ожидаемый результат: пространственное, а также во времени, продвижение к нему пересекается с "опустошающим", определяясь пустыми ведрами, показателем. То, что задумано, дело, по которому шли, уже себя ведрами объявило, результат его, получается, налицо. С точки зрения связи некое определенное A (встреча с пустыми ведрами в их значении безуспешности и неисполнения) объявляет себя как следствие B (начатого дела, того, что задума-

но), представляя, тем самым, собой импликацию: $A \leq B$. С точки зрения искомого типа в отношении разбираемых единиц A , являясь значением для B , отождествляясь с B в его неуспешности, характеризовать следует как тип означающий (сигнификативный).

Примеры с баней, соответственно, следует относить к еще одному, отдельному, типу, определяя его как релятивный, или такой, который предполагает установление регулируемых определенными правилами отношений, при которых некое производимое A становится средством, условием, способом достижения либо предотвращения, избегания, B , как желательного либо напротив: $A \Rightarrow B$.

Во всех трех приведенных, типологически различаемых, случаях следует обратить внимание на то, что A представляет сторону означаемо экранирующего, отображающего, того, что видится, ожидается, в B как его получаемое следствие.

Исходя из того, что было определено как аффективный, т.е. воздействующий, разряд, и обращаясь с этой позиции к отображенному с помощью слов в единице, необходимо задаться вопросом, касающимся в ее составе названной аффективности. Такими ее компонентами будут *носить всегда при себе* и *камень аметист*. Выраженное во второй части, испытывая воздействие, воздействующим не является, относясь к чему-то другому в организуемой системе. *Носить всегда при себе* предполагает характеризуемое постоянством наличие чего-либо в облакающем (поскольку речь

об одежде либо об украшении) оформлении субъекта, в составе того, что на нем и при нем, прилегая к телу. Признак, который можно определить как континуальную аутопрезентацию. То, что *континуальный*, и то, что *ауто*, составляло бы уточняющие параметры разновидности в отношении более крупного объединения презентации, или наличия, присутствия, пребывания чего-то в чем-то, как соответствующей группы. *Камень аметист*, в свою очередь, следовало бы относить к предметам-средствам, или медиативам, предполагающим реализацию чего-либо в том или ином отношении.

Пьянство и запой в составе той же разбираемой единицы относились бы (в том, что они отражают) к представлениям об экзистенциональном по своему характеру состоянии, которое входит в более общий разряд отношений. Под этим последним следует понимать все то, что предполагает определенные связи и положение человека к тому, что его окружает, как с внутренней, так и с внешне характеризуемой позиции для него. На данном примере: *пьянство и запой* для кого-то делают его таким, что это влияет на его отношения (приходится повторить) с другими, с теми, кто его окружает, как с его стороны на них, так и в обратную сторону. Субъект подобного рода воспринимается и оценивается определенным образом, равно как и сам он относится к своему, ближайшему в первую очередь, окружению не так, как если бы данного своего состояния не переживал и в нем, соответственно, не находился. Его отношение и к нему от-

ношение будут иметь отмеченный, выделяющий, а не нейтральный и нормативный, характер.

Удержит и *исцелит* в составе того же поверия можно рассматривать, относя одно и другое к группе того, что следует понимать применительно к достижению (консекутивы), но не как полученный результат в виде чего-либо, но как ведущую к этому результату статально (*удержит*) либо процессуально (*исцелит*) действующую и ориентируемую, приближающую обращенность, или направленность (конверсию).

Во второй единице важными видятся, с точки зрения сигнификативности, *встреча* и то, что *пустые ведра*. Остальное следует относить (*начатое дело, его безуспешность, задуманное, его неисполненность*) к разряду выведенных ранее отношений. В сигнификативном разряде *встреча* будет определяться как то, что случилось, то, что произошло, т.е. окказиональность. В то время как *пустые ведра* будут предметным объектом увиденного, характеризуюсь как инспективы.

Для единицы с баней *ходи в свой пар* следует относить к тому, что можно определить как действия-предписания (перспективы), *банника* – к группе агентного внешнего в разряде ранее названных отношений, а *задушит*, соответственно, к группе экзистенционального состояния в значении прерывания (абруптива).

Выведенное на основе состава трех рассмотренных единиц представляет отдельные показатели общей системы, ко-

торию предполагается описать (в каком-то ее фрагменте). Система эта, с одной стороны, отражает себя в материале, а с другой, понимается как парадигматический, виртуальный, круг знаний и представлений, соотносимый с предметным миром поверий-примет. Впрочем, не только их, но чего-то большего, того, что составляет концептуальные основания существования человека в его ментальной действительности, в той действительности, которую он создает в своем сознании для себя. Прежде чем перейти к более полному описанию данной системы с привлечением выбранного для этого материала, представляется небезразличным обратить внимание еще на одну сторону, также типологическую по своему существу, которая в ходе анализа будет последовательно расширяться и дополняться. Касается это типологических разновидностей тех смысловых единиц, которые отражаются в текстах поверий.

В первом из приведенных случаев, с ношением аметиста, можно усматривать положение, сводимое к представлению о том, что 'делая нечто при помощи какого-то предмета либо имея его при себе, отводишь что-либо в отношении себя'. И это было бы характеристикой для акционально- либо презенсно-превентивного типа, в медиативном подтипе медиативно-эвитативной его разновидности, в таком своем открывающем отражении:

А Акционально-(презенсно-)превентивный тип

A1 (медиативный подтип)

A1(a) – Делая нечто при помощи какого-то предмета, отводишь что-либо в отношении себя (*медиативно-эвитативная разновидность*)

Если носить всегда при себе камень аметист, то он удержит и исцелит человека от пьянства и запоя.

Второй пример, определяясь значением ‘видя что-либо на пути, можно что-либо для себя предполагать’, относился бы к окказионально-сигнификативному типу в его обсервативном подтипе:

В Окказионально-сигнификативный тип

B2 (обсервативный подтип)

– Видя что-либо на пути, можно что-либо для себя предполагать

Встречу с пустыми ведрами истолковывают как то, что начатое дело будет безуспешным и задуманное не исполнится.

И, соответственно, третий пример, определяясь значением ‘делая нечто (соблюдая определенное правило), избежишь опасности либо неприятности, поражения, для себя’, относился бы также к акционально-(презенсно-)превентивному типу регулятивного подтипа в регулятивно-эвитативной его разновидности:

А Акционально-(презенсно-)превентивный тип

A2 (регулятивный подтип)

A2(a) – Делая нечто (соблюдая предписываемое правило), избежишь опасности либо неприятности, поражения, для се-

бя (регулятивно-эвитативная разновидность)

Ходи в свой пар, а не то банник (домовой, живущий в бане) задушит.

Описание единиц релятивного класса

Наметив начала того и другого подхода, концептуально-системного и функционально-типологического, перейдем к анализу связываемого с тем и другим материала. Предполагаемым следствием видится как описание системы, так и определение особенностей ее восприятия и ментального действия в отношении соответствующим образом ориентируемого в своем окружении человека, из чего будет далее следовать то, что составляет избранный в самом начале предмет – существование и бытие человека в такой его повседневности.

Начнем с представления релятивного класса, или разряда, того, который был назван как *отношения* и, что необходимым видится для дальнейшего описания уточнить, в концептуальном и парадигматико-семантическом проявлении. Первоначально систематизирующим и обобщающим, с последующим привлечением объясняющих и иллюстрирующих примеров.

Отношения в контексте стоящей задачи, впрочем не только ее, следует понимать применительно к тому предметному миру, о котором речь, как всё то, что имеется в виде некоей данности, в которой живет, существует и проявляет себя че-

ловек, и вместе с тем также то, и это следствие из первого, что представляет собой объект, в своих составляющих, воздействия (со стороны чего-либо внешнего), способного изменять эту данность. Изменение это может иметь как ухудшающий, так и улучшающий, или способствующий, а также поддерживающий, вид и характер. Отношения в определенном смысле собой покрывают самые разные положения и связи, если не всё, воспринимаемое и понимаемое с точки зрения в них себя находящего центра, для которого это будет позиция, а также форма существования, меняющаяся, динамичная, переходящая от чего-то одного к чему-то другому. Отсюда мотив, с одной стороны, а с другой, возможность в каком-либо отношении на эту форму каким-то образом повлиять, для чего имеются в разбираемом предметном мире необходимые средства.

Отношения, как понятие, предполагают то, что имеется представляемый в его устройстве, динамике и своих составляющих, опять же предметный, мир, в котором себя обретает тот или иной человек, являясь в нем тем, что не то, чтобы составляет его интегральную часть, составляет, но это неважно, важно другое – то, что относится он каким-либо определяющим образом к тому, что его окружает, равно как и то, что его окружает, относится определяющим образом также к нему. Взаимная связь того и другого, от человека к миру и в обратную сторону, отмечает его, человека, позицию, которую можно менять, поскольку она подвижна и ди-

намична, имея к тому возможность и средства. Не то, чтобы в этом был смысл исследуемого материала поверий-примет, но, так или иначе, они говорят об этом.

Составляющими проекциями отношений, как релятивно-позиционного (для субъекта) разряда и класса, будут 1) то, что собой представляет материально-имущественную форму существования, определяясь как обладание (поссесивность); 2) то, что отображает каким-либо образом отмечаемые виды и формы субъектного бытия, для него самого, в нем самом и в направленности к нему, что обобщенно можно определить как экзистенциональные состояния, или статальность; 3) то, что предполагает его, т.е. субъекта, положение в его позиции и отношениях к другим и с другими, означая 'быть кем-то и чем-то' для них, иметь с ними те или иные, нередко контактами, а точнее контактными формами, определяемые, связи (позиционность); 4) то, что содержит в себе представления о деятельностной стороне, производимых субъектом действиях, работах, занятиях (акциональность); 5) то, что составляет для него его внешнее, в чем он находится и живет, что на него оказывает влияние и на что он также стремится каким-либо образом в силу необходимости повлиять (экстернальность).

Это последнее видится как стихии, нечеловеческое, потустороннее и посюстороннее, освоенное и не освоенное, свое и чужое, постороннее и не постороннее, а также то, что может случиться, произойти, с чем можно столкнуться

и пр. К чему освоенное свое и то, что ближайшее, способно быть отнесено при условиях, которые делают его по каким-то причинам внешним, т.е. таким, которое предполагает открытое в своем вероятном значении воздействие, если не цель, то смысл которого заключается в том, чтобы субъекта каким-либо образом изменить, сделав его объектом производимых над ним операций, как непосредственно и осознанно, так и неосознанно и опосредованно. Важен при этом не результат и не намерение, которого может не быть, важна себя объявляющая и переживаемая субъектом направленность, определяемая им в каких-то значениях для себя. Так же как со стихиями, которые можно мысленно одушевлять, приписывая им то, что свойственно действиям и проявлениям человека, намерения, цели, направленность, но можно и не одушевлять, видя в том, что исходит от них, не зависящее ни от чьего желания и воли. Так ли или не так это воспринимать, не существенно, поскольку в любом положении и при любом объяснении воздействие их на субъекта остается воздействием.

Выделенные пять категорий релятивного класса (так их можно определять, какие-то, соответственно, будут у сигнификативного и аффективного классов) имеют, каждая, в виде проекций, свои значения, которые воплощаются, объединяясь, в формах, а те, в свою очередь, будучи по своему характеру концептуальными, находят свое выражение в словах. Вербальные формы при этом подвижны и к формам кон-

цептуальных категориальных значений не привязаны (асимметрия означаемого и означающего), обладая способностью связываться, определяясь контекстами употреблений, с разными формами, а тем самым, и не единственным образом.

Не единственным, но не безразличным и обусловленным. Обусловленность эта следует из того, каков существующий для сознания и в сознании комплекс знаний, значений и представлений имеется для того или иного предмета, явления, состояния, положения, действия. Как правило, закрепленный и не случайный. Для иллюстрации, на примере просмотренной бани, которую можно воспринимать и как место (постройку), в которой моются-парятся, и как жилище банника, а также место присутствия потусторонних сил (чертей, леших, овинника) в отведенное для этого время, и как то помещение, в котором можно лишиться жизни, а если и не лишиться, то значимым образом пострадать, и то, где следует, выходя, оставлять предметы банного обихода для банника, из которых веники никогда не уносить с собой. За всем этим будут стоять определенные категории с их значениями, как релятивного, так и аффективного класса. Равно как и то, что те же значения категорий того и другого класса будут себя выражать, разве что не в таких сочетаниях, в чем-то еще, что не является баней.

Многообразие проявлений концептуально-предметных форм

Перейдем теперь к рассмотрению примеров, с тем чтобы

то, что сказано в предваряющем обобщении, а также и то, о чем еще не говорилось, выводить на наглядном и себя воплощающем материале. Разнообразными по своему такому характеру представляются единицы с булавкой:

Никому не следует давать булавки, чтобы не раздружиться и не рассориться; но если уж необходимо булавку дать, то надо легонько уколоть того человека, кому даешь, чтобы предупредить таким образом возможно более сильный укол словом, или взять за нее копейку, – тогда ссоры не будет.

Если найдешь булавку, лежащую к тебе головкой, то это означает, что тебя вспомнил приятель.

Если найдешь булавку, лежащую к тебе острием, то это означает, что против тебя злоумышляет недруг; такую булавку ни в коем случае нельзя поднимать.

Нельзя в доме держать булавку раскрытой, это может привести к ссоре между домашними.

Чтобы никто не сглазил, следует на изнанку платья, чтобы никто не видел, приколоть булавку.

Выберем в группах то, что будет затем объектом необходимого определения. Итак, имеется (пока что только в первом примере) то, что обозначено в виде:

- кому-то что-то давать (чего не следует делать с булавкой)

- раздружиться, рассориться (что нежелательно и что следует избегать), а также (более сильный) укол словом; ссо-

- ра* (с тем, по-видимому, человеком, кому булавку даешь)
- что-то, что нежелательно, но чего по каким-то причинам не избежать (*если уж необходимо булавку дать*)
 - что-то, что следует сделать для того, чтобы предотвратить нежелательное, которого не избежать (*легонько уколоть того человека, кому булавку даешь ; взять за булавку копейку*)
 - что-то, что предупреждается предотвращающим действием (*более сильный укол словом ; ссора*)
 - предмет, который не следует никому давать (*булавка*)
 - предмет, при посредстве которого можно избежать нежелательного (*копейка*)

Из чего получалось бы (начиная с конца):

- предметы-средства для достижения чего-либо (медиативы): *копейка*
- предметы, требующие предосторожности, потенциально небезопасные (консидеративы): *булавка*
- событие, явление, положение, состояние, которое может случиться, произойти по причине неосторожного действия, поведения, вызвав его по незнанию, по оплошности либо намеренно (провокативы): *укол словом, ссора, а также раздружаться, рассориться с кем-либо (кому булавку даешь)*
- отводящие, предупреждающие действия и проявления (аверсивы): *легонько уколоть того человека, кому булавку даешь ; взять за булавку копейку*
- действие, проявление, ведущие к какому-либо событию,

положению, состоянию, желательному или нет (комиссивы):
дать кому-то булавку

- событие, явление, положение, состояние, которое может случиться, произойти, не будучи вызвано, т.е. как происшествие (хотя пример подобное не предполагает, каузативы):
раздружиться, рассориться (с кем-либо), (сильный) укол словом с чьей-либо стороны; ссора

- действия, проявления, поведение, которые могут что-то предполагать, иметь какие-то релятивные следствия, т.е. влиять на характер того, что определялось как отношения (консекутивы): *кому-то что-то давать* (чего не следует делать с булавкой)

Продвигаясь далее и переходя к последующим примерам, можно вывести следующее (с повторением ранее встреченного):

- происшествие, случай, имеющееся либо предполагающееся положение вещей (каузатив): *найти булавку головкой к себе; найти булавку к себе острием; приятель вспомнил; недруг злоумышляет; сглаз* (кто-то может сглазить)

- предмет как объект наблюдения и вывода для себя при встрече с ним (контентив): *булавка, лежащая на пути*

- альтернативный субъект позиционного отношения (адверсатив): *приятель; недруг; тот, кто может сглазить*

- действия-предписания и действия-избегания (перспективы-эвитативы): *не поднимать булавку, найденную острием к себе; не держать в доме булавку раскрытой*

- то, что может случиться по причине неосторожного обращения с потенциально небезопасным предметом (провокативы): *ссора между домашними*

- потенциально небезопасный предмет, требующий предосторожности (консидеративы): *булавка, которую не следует в доме держать раскрытой*

- отводящие, предупреждающие действия и проявления (аверсивы): *на изнанку платья, чтобы никто не видел, приколоть булавку*

- предметы использования (оперативы): *платье (изнанка платья); булавка*

- действия, положения, состояния, которые снимают, могут снять отводящие действия (рефлексивы): *кто-то видит, как на изнанку платья прикалывают булавку*

Определим теперь из материала представленных единиц все то, что будет себя проявлять, соответственно, как отношения (релятивы), как то, что содержит, передавая воспринимаемому, какой-либо знак (сигнификативы), и как то, что предполагает способность воздействия (аффективы). Оттолкнемся для большей наглядности от слов, имея в виду, что объект описания заключается в том, что они выражают.

К отношениям, релятивам, следует отнести (без дальнейшей на данном этапе дифференциации и на первом только примере):

Булавку, как то, что может способствовать нарушению установившихся связей с каким-то лицом, и тогда, соответ-

ственно, далее:

Давать / не давать булавки кому-либо и сюда же если уж необходимо булавку дать

Раздружиться, рассориться, ссора (которая будет или не будет)

(Более сильный) укол словом (с чьей-либо стороны)

К тому, что предполагает воздействие, аффективам, относилось бы:

Булавка, как то, чем при необходимости передачи надо легонько уколоть того человека, кому даешь

То, что следует таким образом предупредить (*более сильный укол словом*)

Копейка, как то, что предлагается взять за булавку

То, чего избегают, если берут за булавку копейку

При обращении к дальнейшим примерам можно заметить предметы и положения, связываемые с тем, что содержит в себе какой-либо знак для увидевшего (сигнификативы):

Булавка, как то, что случайно находят лежащей к нашедшему головкой или же острием

Найти булавку, лежащую к тебе головкой / лежащую к тебе острием

К релятивам относятся:

Приятель, который тебя вспомнил

То, что тебя вспомнил приятель

Недруг, который против тебя злоумышляет

То, что против тебя злоумышляет недруг

Булавка, которую нельзя в доме держать раскрытой
Дом, в котором нельзя держать булавку раскрытой

Ссора между домашними, к которой может привести то,
что в доме держат булавку раскрытой

Домашние в доме, где держат либо не держат булавку рас-
крытой

Сглаз, равно как и то, что могут сглазить

Тот, кто может сглазить

К аффективам:

Булавка, которая была найдена лежащей к тебе острием

Поднимать либо, напротив, не поднимать булавку, ле-
жащую к тебе острием

Булавка, которую в доме держат либо не держат раскры-
той

Булавка, которую следует приколоть на изнанку платья,
чтобы никто не видел

Приколоть булавку к изнанке платья, чтобы никто не ви-
дел

Тот (те), кто не должен (не должны) видеть, как прикалы-
вают булавку на изнанку платья

Первое, что можно заметить и из чего, равно как и из все-
го остального, необходимо вывести важное следствие, это то,
что *булавка* фигурирует в разных позициях, появляясь не
только во всех трех разрядах, но и в различной связи. Стойт
за этим не что иное, как то, о чем ранее говорилось, – важно
не слово, а также и не обозначаемый этим словом предмет

(либо что-то другое), но то, что с его и их помощью находит свое отражение, тот существенный смысл, который что-либо в определяемой системе собой представляет. И тогда, возвращаясь к исходному, *булавка*, как то, что может способствовать нарушению установившихся связей с каким-то лицом, при условии ее ему передачи, и к этому также *булавка*, которая может способствовать ссоре между домашними, при условии если держать ее в доме раскрытой, – будет собой выражать общий смысл, который можно определить как ‘предмет, заключающий в себе способность, при нарушении необходимого к соблюдению обращении с ним, изменять установившиеся взаимоотношения (между людьми) в худшую сторону’ (потенциальностный инклинатив). Смысл этот, как нетрудно заметить, не связывается только с булавкой, он может передаваться и при посредстве чего-то другого. С точки зрения разбираемого предметного мира важно то, что имеются подобного рода предметы, и поэтому способ и вид обращения с ними предполагают, следующее из знаний о них, соблюдение определенных предосторожностей.

О внутренней регуляции повседневного бытия

Прежде чем пойти далее в установлении и выведении получаемых на основе представленного в приведенных повериях смыслов, необходимым видится концептуальное заключение, затрагивающее, определяемую как воздействующая и релятивная, сущность предметного мира поверий-примет

(впрочем, не только их, но многого, если не в целом всего, что себя проявляет в народной традиции). Заключение это позволит понять как все то, что будет далее характеризоваться в своем описании, так и ту повседневность, в которой человек, себя проявляя, живет, которая, с одной стороны, производится, проецируясь, им, а с другой, соответствующим и значимо представляемым образом также воздействует на него самого⁶.

Касаясь вопроса означенной сущности, подходим к мысли о том, что имеется некое исходно-желательное и равновесное, эквитативное, положение, состояние, обладание, полагаемые действия и пр., как не то, чтобы желаемый или достигнутый, но как внутренне чувствуемый и ориентирующий и проецируемый норматив в отношении внешнего и не только внешнего, — того, как должно быть, как следует, как положено и как хорошо. Равновесная эта примарность, полагаясь в основе и не всегда проговариваясь, далее обнаруживает себя во всем остальном, от которой, отталкиваясь, производятся, могут происходить, отклонения (деклинации) в ту либо другую сторону, желательно-благоприятную либо, напротив, неблагоприятную, ущербную, ухудшающую и поражающую. Равновесность эта, тем самым, подвижна и не стабильна, предполагая движения и изменения.

Отмеченное понятие равновесия, эквитатива, предполагает необходимо-достаточную и сбалансированную, принимаемую (акцептив) и регулятивно предписываемую (промо-

тив) позицию некоей определяемой, себя проявляющей и самостоятельно действующей данности, взаимодействующей, в свою очередь, со всем остальным. Данностью этой является также и сам человек, на фоне и в сопоставлении с другими подобными, в соотношении и в соединении с ними. Из нее, этой данности, следует то, что должно быть как ощущаемый внутренне эталон применительно к каждой его проекции, как некий минимум и как достаточность, без которых не может чего-то быть, чего не должно быть поэтому меньше и хуже как нежелательное, но чего также может быть больше и лучше в какую-то сторону как одобряемое и желаемое (перспектив).

Та повседневность, о которой речь и которая составляет предмет в избираемом материале, с одной стороны, есть проекция данного экзистенциала в проживаемую человеком жизнь и действительность. Есть также формой, обеспечивающей реальность их для человека и реализацию его в них. С другой же своей стороны, она становится средством, предполагающей способы, средства и механизмы оптимизирующей реализации как самой себя для живущих и пребывающих, находящихся в ней, так и для них в своем положении в ней и к ней отношении.

От ощущаемого внутренне и вместе с этим переживаемого человеком экзистенциала отходят проекции (категории) реалитивного класса (в этом его особенность, как наиболее полного) – к обозначенным ранее обладанию, состоянию, поло-

жению, действиям и тому, что внешнее, экстернальное. Как это, так и все остальное будет предметом дальнейшего рассмотрения в материале.

И, идя в обратном порядке и намечая ориентирующие аспекты того, о чем далее пойдет речь, внешнее определяется тем, что это сфера взаимодействия, исходящего от адресатно-субъектного (в материале поверий-примет) положения человека со всем окружающим его остальным, а также в обратную сторону, предполагая воздействие, направляемое на него.

В свою очередь, действия связываются с проективной реализацией субъекта, возможно также при этом агента, в отношении эквитатива существования в его повседневности, равным образом как для себя, так и не для себя.

Экзистенциональное состояние предполагает за ним стоящее и в нем себя проявляющее представление о необходимо-достаточном в отношении эквитатива существования для себя (для субъекта и для существования), с проекцией, восприятием и оценкой при посредстве того, что необходимо-достаточно, к тому и того, что данным субъектом либо какой-то данностью переживается, будучи обусловлено чем-либо, как таковое или в какой-то момент.

Положение определяет позицию адресата-субъекта по отношению к другим, которая, с одной стороны, имеет оцениваемый, эстимативный, характер (на основе социального регулятивного акцептива, то, что признается и что одобряет-

ся), а с другой, обладает способностью и тенденцией к изменениям (к худшему, к лучшему) и колебаниям (вариабельность).

Обладание, в свою очередь, составляет, в первую очередь материальную, форму обеспечиваемого в необходимо-достаточном отношении и этим поддерживаемого в своем продолжении бытия, предполагая средства существования, способные к изменениям и колебаниям (подобно тому, как у положения, но в смысловом отношении не равно ему).

Исходя из сказанного в таком предварительном обобщении и возвращаясь, прежде чем пойти далее, к охарактеризованной в представляемом ею смысле булавке как 'предмете, заключающем в себе способность, при нарушающем необходимом к соблюдению обращении с ним, изменять установившиеся взаимоотношения (между людьми) в худшую сторону' (потенциальностный инклинатив), – отнести охарактеризованную подобным образом семантическую единицу того концептуального языка, который себя проявляет в определяемой системе, полагалось бы к категории положения в релятивном разряде. Все остальное представляло бы образующие значения в категории положения, которые следует вывести и в составе которых на приведенном примере можно усматривать то, что касалось бы 'изменения' (установившихся взаимоотношений) и 'в худшую сторону', предполагающую ущерб, поражение желаемого эквитатива. Поскольку, как это было показано, положение предполагает исход-

ной позицию желательного достижения в отношении проживаемой повседневности, для человека и его взаимодействий с другими людьми, оно допускает возможным далее ход, движение в сторону повышения либо понижения, улучшения либо ухудшения, приобретения либо утраты-ущерба того, что желательно или исходно.

О параметрах и единицах парадигматического устройства

Вернемся к оставленному перед этим разбором, отталкиваясь от определения стоящих за тем, что передано словами, семантических единиц к тому, что будет предметом дальнейшего обобщения, подводя постепенно к парадигматическому определению системы в составе ее разрядов, их категорий, значений для категорий и выражаемых эти значения форм. Такой виртуальной, или парадигматической, можно было бы говорить словарной, формой, имея в виду отражающий все это семантический и концептуальный язык (предметного мира поверий-примет, но не только их), и вместе с тем, как это было ранее сказано, семантической единицей данного языка, был бы смысл, определенный и выведенный на основе первой булавки (которой *никому не следует давать, чтобы не раздружиться и не рассориться*).

Будучи, как это было сказано, виртуальной, словарной и парадигматической, единица эта способна использоваться и используется также и в синтагматике, вступая во взаимодействия, следующие из контекстов, с другими. Такими други-

ми были бы в разбираемом примере те, которые выражены с помощью слов *давать / не давать* (булавки кому-либо) и *если уж необходимо* (булавку кому-нибудь) *дать*. Определение той и другой единицы, не вполне отвлеченное, поскольку важен не смысл давания как такового, а такого давания, которое за собой нежелательное через даваемый предмет как прямой объект с тем, кому дают, повлечет, – это их определение должно подвести к выявлению признаков, связываемых с категориями и их значениями в релятивном разряде.

Касаясь вопроса подобного определения, имея в виду не *давать что угодно кому угодно вообще*, а определенным, характеризующим выводимый смысл образом, стоит соотнести это с представлениями о значениях в общеупотребительном языке, поскольку и в нем то же самое в отношении *давать* различимо в своей семантике, определяясь мыслью о том, что давать. И это *что* давать, будет стоять за каждым его значением, как интенционалом, заключая в *что* круг предметов, соотносимых между собой в семантическом от *давать* к ним направлении как экстенционалом.

Одно дело *давать, дать кому-либо что* – книгу, газету, карандаш, стакан, хлеб, сахар, воду и т.п. как ‘позволять или заставлять брать, вручать, передавать в руки’. Другое дело *давать, дать кому-чему-либо что* – квартиру, комнату, помещение, место, средства, рабочую силу, транспорт, работу, дело и пр. как ‘предоставлять что-л. или предоставлять возможность чего-л., обеспечивать чем-л.’. А также да-

лее, как ‘производить, вырабатывать что-л.’ (без кому-чему) – электроэнергию, электричество, ток, нефть, газ, уголь, металл, молоко, мясо, хлопок, пшеницу, хлеб, продукцию, и кому-чему – трудящимся, народу, стране, городу, предприятию.

Равно как и другие примеры в значениях, определяемых как ‘приносить, производить что-л. в соответствии со своей природой, со своим назначением’ (*давать* урожай, всходы, побеги, ростки, плоды, молоко, шерсть); ‘устраивать, организовывать, проводить’ (*давать* обед, завтрак, концерт, спектакль, бал; детям, рабочим, колхозникам, студентам, гостям, противнику) и т.п. С выделением восьми значений^{6*}, различие между которыми устанавливается для сознания исходя из того, что составляет выбираемый общий предметный круг для *давать*. С неизбежными и необходимыми представлениями о том, что предполагает парадигматическое и смысловое единство объектов *давания* в каждом из этих его значений.

Подобным образом следует подходить и к предмету предлагаемого описания. И, тем самым, *давать / не давать* в отношении булавки будет иметь в виду такую какую-то передачу либо взаимодействие, если шире, и какого-то рода контакт, которые могут вести и ведут к ухудшению характера установленных и имеющихся или же не установленных, но

^{6 *} Определения значений с примерами взяты из *Словаря сочетаемости слов русского языка*. Под ред. П.Н. Денисова, В.В. Морковкина, Москва: Русский язык, 1983, с. 118-119.

оценочно не отмеченных (как негативные) отношений между субъектами данного взаимодействия, из которых один выступает иницилирующим и проявляющим направление предпринимаемого им воздействия, а другой тем, к кому или на кого оно обращается.

И тогда, исходя из представления о булавке как о 'предмете, заключающем в себе способность, при нарушающем необходимое к соблюдению обращении с ним, изменять установившиеся взаимоотношения (между людьми) в худшую сторону', *давать* при такого рода предметах тому, с кем способны вследствие этого измениться указанные отношения, равно как и другие глаголы, связанные с такой передачей, определялось бы в отношении стоящей за этим семантической единицей как 'контактное взаимодействие, реализуемое через посредство предмета, обуславливающее возможность, посредством того же предмета, изменение отношений в сторону ухудшения с субъектным объектом или контрагентом взаимодействия'. И это также был бы потенциальный инклинатив, но не предметно-объектного, а контактно-акционального проявления.

В представленной характеристике семантической единицы, словарного вида ее отражения, можно усматривать то, что связывается с категориями и их значениями для релятивного класса. В первую очередь, это касалось бы категории производимых действий (акциональности), имеющих не продуктивный (он также возможен), а контактно-взаимо-

действующий характер, соотносимый с такими субъектными проявлениями в отношении другого лица, которые (не определяя их с семантической точки зрения, что усложнило бы представление и уводило бы в сторону) можно выразить при посредстве глаголов типа *передать*, *касаться*, *дотронуться*, *подарить*, *одаривать*, *толкать*, *задевать*, *тормозить*, *будить*, *понуждать*, *понукать* и т.п. Не все из них находят свое выражение в материале поверий-примет, равно как и не все имеют в виду взаимодействие с другим субъектом, опосредуемое предметно.

Во вторую очередь стоило бы говорить о значениях категории положения в релятивном разряде, которые могут быть (в обобщающем перечне, без иллюстраций в материале), представляя собой:

- укрепление / поражение / нарушение (развитие, продвижение, провенция)
- обязательства, связи, зависимости (их характер) / участия (партиципации)
- близкие (свои) / не ближайшее окружение / дальние (в отношении положения, проксимация в определяемой далее степени)
- принятие / непринятие (явное либо скрытое, акцептации)

Значения категории действия в том же релятивном разряде и также без иллюстраций могут быть показаны в следующем неполном списке, лишь намечающем то, что возможно:

- продуктивность (хозяйственные занятия и работы) / непродуктивность
- обмен (отдача и получение) / прерывание, или отказ
- изменение, смена (в отношении места либо чего-то другого) / неподвижность, неизменение
- перспекция (то, что планируется к исполнению, перенесение во времени) / ретроспекция (то, что достигнуто, сделано, осуществлено, как имеющееся и как багаж акционального осуществления, перфективность) / презентия (наличие, то, что имеется, регуляции повторяющегося, темпоральность и ритм)

С точки зрения определяемой парадигматики остается не выясненным немаловажный вопрос, как поступить и куда вписать то, что стоит за всеми перечисленными значениями, будучи их воплощением и вместе с тем вне их пределов. Речь идет о таких позициях, как предметы, или предметности, субъекты, лица, агенты, действователи, действия, атрибутивные и другие признаки и т.п. Иными словами, все то, что в грамматике связывается с частями речи, именами и предикатами, субстантивами, атрибутивами, процессивами и подобным другим того же ряда. Поскольку от них, от этих лексико-грамматических классов, далее распространяет себя все то, что находит свое отражение в морфологии, а с этим далее также в синтаксисе.

Чтобы ответить, более или менее убедительным и понятным образом, на данный вопрос, необходимо вернуться

к понятию, в его представлениях, предметного мира поверий-примет и посмотреть на то, чем он есть и что в нем имеется, с концептологической точки зрения. С одной стороны, находят в нем свое отражение то, что определяется в виде разрядов с их категориями, значениями категорий и передающими эти значения формами. И это была бы его, предметного мира поверий-примет, ориентирующая сторона, с ее отношением к воспринимаемой и интерпретируемой им действительности. С другой стороны, неизбежно приходится говорить о грамматике в нем, составляющие компоненты которой пропитываются ориентирующими и интерпретирующими значениями, не будучи ими как таковые по существу. Разрешение данной проблемы стоит связывать с тем, как понимать отношение, с точки зрения предметного мира поверий-примет, к тому, что такое предмет, атрибут, процесс, состояние и все подобное прочее. Существует ли в этом предметном мире и связанном с ним сознании представление о предмете, атрибуте, процессе и пр. вне соответствующей их ориентированности или нет?

Рассуждая последовательно, то, что *булавка* либо что-то другое, или *давать* и подобное, воспринимается ли в организованном соответствующем образом сознании отдельно от того, что они в поверии передают? Видимо, все же нет, поскольку булавку следует относить не к группе предметов как таковых, а к группе предметов, предполагающих определенные знания, связанные с тем, что они требуют в обращении

с ними предосторожности. В отличие от копейки, которая, для того же сознания, не просто предмет, а такой, который используется в виде средства обмена и замещения либо с какой-либо целью еще. Подобным образом приятель (который вспомнил) или недруг (злоумышляющий против тебя) – это не просто люди-субъекты, а такие, которые вписываются в имеющуюся в сознании систему возможных представлений о них, в их связях и отношениях к адресативному центру (тому, к кому доверие обращено и кто также является в этой системе чем-то).

Исходя из этого, неизбежно приходится говорить о том, что ранее уже было показано на примере поверий с булавкой, но системно не упорядочено, и над чем предстоит задуматься с тем, чтобы всему этому определяемое для него место найти. Поскольку имеются не просто предметы, также как не просто лица-субъекты или не просто действия, равно как и что-то другое, а предметы, определенные как медиативы (средства для достижения какого-то результата, копейка, камень аметист, булавка на изнанку платья), консидеративы (требующие предосторожности, булавка как объект передачи), сюда же следует отнести предметы использования, или оперативы (нательный крест, кусочек мыла, веники), предметы как объекты визуального либо другого какого-то восприятия (обсервативы – пустые ведра, из того, что ранее было приведено).

Одновременно с этим, как можно было заметить, те же

предметы, как данности, могут быть отнесены к другим подразделам: копейка не только медиатив, но и оператив, возможно также обсерватив (если ее найти на дороге лежащей той или иной своей стороной), равно как и ведра, в том числе и пустые, фигурируют для сознания в каких-то контекстах как оперативы, а возможно, и медиативы. Из чего получалось бы то, о чем уже говорилось, – не только слова, но и те референты, которые они отражают, не являются формами соответствующей парадигматики, формами будет то, что за ними, с их помощью себя выражая, стоит. Медиативы, обсервативы, оперативы и пр. суть таковые определяемые формы, а то, что они себя выражают в булавке, ведрах, копейке и пр., есть экранируемая к реальной действительности проекция этих форм.

Остается не выясненным вопрос о месте всего перед тем перечисленного в определяемой системе и в его отношении к выделенным трем разрядам (релятивному, сигнификативному и аффективному) с их категориями и следующими из категорий значениями. Уточняться и дополняться все это будет по ходу анализа, в данном месте, видимо, следует говорить об интенциональной и экстенциональной стороне того, что находит свое отражение в устанавливаемой парадигматике (на что уже ранее обращалось внимание в отношении различения передаваемых не только словами значений). К интенциональной тогда относилось бы то, что связывается с разрядами и их категориями, а к экстенциональной – пред-

метности, процессуальности, атрибутивности и т.п. Тем самым, если имеется, для примера, представление о характере взаимоотношений с другими людьми (категория положения релятивного класса), которое способно себя проявлять как в сторону улучшения, так и ухудшения, то имеется также в сознании представление о том, что существуют предметные, акциональные, а также объектно-субъектные средства, прибегнув к которым этого можно достичь либо, напротив, этому, вольно или невольно, себя подвергнуть, либо, что также возможно, предотвратить, избежав нежелаемого.

В результате подходим к мысли о взаимосвязанных для сознания двух сторонах единого комплекса представлений о мире – экстернальной, как предваряющей и внесубъектной, но не то, чтобы внешней, хотя отчасти и таковой, это то, что имеется и то, что есть вне участвующего подключения к ней субъекта (с одной стороны) и интернальной, как второй стороне, задействуемой и в сферу субъектных участия и связей включаемой. Одно проникает собой другое, входит в него, получая в нем свое соответствующей семантикой определяемое выражение, объединяясь с ним в структурные композиции концептуально-семантических единиц.

Возьмем для примера ту единицу, которая была выведена для *булавки* первого случая (с тем, что ее *никому не следует*, согласно поверию об этом, *давать*) в определении ‘предмета, заключающего в себе способность, при нарушающем необходимом к соблюдению обращении с ним, изменять устано-

вившиеся взаимоотношения (между людьми) в худшую сторону'. Идя последовательно, получаем 1) предмет, который в себе включает способность, влияя на что-либо в отношении субъекта, в худшую сторону это что-либо для него изменять (экстернальная часть), из чего будет следовать далее часть интернальная, предполагающая то, что находит свое отражение в 2) указанная способность предмета предполагает необходимость соответствующего обращения с ним, сводясь к представлению о предосторожности, поскольку, и далее следует 3), эту часть интернального расширяющее, – поскольку несоблюдение соответствующего с ним обращения, в обход полагаемой осторожности, будет менять установившиеся и имеющиеся отношения с кем-либо в худшую сторону.

И тогда то, что выражено при посредстве булавки, которой не следует никому давать, получает в проекциях представления 1) о заряженных чем-то предметах (инсертивность); 2) о необходимости правильного обращения с такими предметами (регулятив); 3) о получении, достижении себе чего-либо в силу нарушения либо, напротив, ненарушения и соблюдения регулятива (акквизитив).

Для определения характеризуемой системы важным следствием будет то, что имеются в разбираемом предметном мире поверий-примет представления о предметах, а также действиях, признаках, положениях, происшествиях, свойствах и пр., ориентированных к человеку в каком-либо отноше-

нии, и то, в каком именно, — что и будет объектом их парадигмального описания. Имеются также, с другой стороны и следующие из этого, представления о позиционных взаимодействиях человека с ними. И, наконец, с еще одной стороны, имеются, следующие из второго и с этим из первого, представления о том, что последует, что может последовать и что можно себе ожидать, при условии несоблюдения либо же соблюдения этого второго, по незнанию либо игнорированию первого. Таким каким-то образом действует для сознания характеризуемая система, трехчастная в основе своей, предполагающая что некое A влияет на некое B и его обуславливает, а некое C становится следствием заключенного в B в его отношении к A : $(A \leftrightarrow B) \Rightarrow C$.

Остается представляющийся немаловажным вопрос, как эти три стороны обозначить, имея под этим в виду не только и даже не столько сами используемые для такого определения названия, сколько характер системного их взаимодействия, а тем самым, и облик самой системы. Стоит за этим не что иное, как концептуальное представление о ней, представление о том, чем она выступает и, соответственно, как и в виде чего объявляет себя. Три составляющих, о которых речь, сводимы, собственно говоря, к взаимодействию человека с тем, что его окружает в им проживаемой действительности, но не с действительностью как таковой, а через посредство имеющегося в его сознании экрана ее отражения и существующего в его сознании для него концептуального

образа, который содержит все, что имеется в ней, в ему объясняющем виде. Из чего получается референтивная (отражаемая и означаемая), концептуальная (отраженная и означающая) и субъектная, модулятивная, взаимодействующая и партиципирующая, сторона, предполагающая подключение в сферу субъекта того, что исходит от референтивной через ее пропускаемое отображение в концептуальной. Привычный для лингвистического отображения знаковый характер заключается в отраженной концептуально, в сознании, стороне, соотносимой с означаемо референтивной. Отличим от того, что принято воспринимать в отношении вербально себя выражающего и также вербально используемого общепотребительного языка (как объекта языкознания), будет то, что связывается с тем, что было названо третьим – субъектно-взаимодействующей стороной, не того, что передается словами, а того, что в повериях за ними стоит и что есть не что иное, как способ отображения и восприятия в них реальной действительности.

Ее концептуальный для сознания
Образ

Действительность, отраженная и представляемая в предметном мире поверий-примет

Субъект,

взаимодействующий с Действительностью через посредство ее концептуального Образа

О системах и признаках описания

Исходя из этого могут быть получены три взаимосвязываемых системы для выведения и описания – референтивная, концептуальная и партиципируемая (она же субъектная, модулятивная, ориентированная). Первая видится как такая, в которой находят свое отражение выделяемые виды предметов, действий, мест, состояний и пр. и о которых отчасти уже говорилось в связи с различием предметных медиативов, обсервативов и оперативов. Вторая связывается с тем, на что также обращалось внимание при выделении трех разрядов – релятивного, сигнификативного и аффективного с их проекциями к тому, что было названо категориями и их значениями, предполагая далее отображение этих значений в формах, которые имеют концептуальный вид и совпадают с тем, что определялось как семантические (концептуальные) единицы, с той существенной оговоркой, что они предполагают условно "словарный", и внеконтекстный, тем самым, и "грамматический", ориентированный к употреблению, вид. Третья, субъектная и партиципируемая, что означает проекцию к участвующему субъекту, также связывается с тем, что ранее было намечено, но не распространено. Речь о типах, определявших себя в порядках акционально-превентивного типа, окказионально-сигнификативного типа, а также

возможных других, с их подтипами и разновидностями в отношении подтипов.

Все это, определяясь к исследуемой системе парадигматики предметного мира поверий-примет, будет в дальнейшем себя проявлять на примерах, последовательно уточняясь и дополняясь, будучи связанным, что естественно и неизбежно, с выводимыми концептуальными и семантическими единицами, в которых все это, с учетом контекстов их употребления и заключаясь в них, отображено.

Для более полного представления и выведения сказанного (в отношении трех взаимосвязываемых парадигмосистем), что понятно и требует дополнительных объяснений, потребуется привлечение большего материала. Однако прежде чем к его расширению перейти, видится целесообразным, для уточнения процедуры с выработкой более пристального и основательного подхода к ней, аналитически просмотреть все то, что остается в примерах с *булавкой*.

Идя по порядку, обратить внимание следовало бы на то, что в выводимой последовательности определялось к выраженному при посредстве *давать* (для *булавки*) как ‘контактное взаимодействие, реализуемое через посредство предмета, обуславливающее возможность, посредством того же предмета, изменения отношений в сторону ухудшения с субъектным объектом или контрагентом взаимодействия’.

При таком описании выделяются признаки ‘контактного взаимодействия’ (с кем-либо, а не с чем-либо, что также воз-

можно, поскольку это первое имеет себя в виду), ‘посредствующего предмета, обуславливающего возможность’ ‘изменения отношений’ (с кем-либо, и при этом, в реализации, с тем, с кем вступают во взаимодействующий контакт) в сторону их ‘ухудшения’ с ‘субъектным агентом’ или ‘контрагентом’ (что может быть идентично одно другому), или тем, с кем вступают в контакт.

Под субъектным агентом (в уточнение) следует понимать лицо либо воспринимаемый как одушевленный предметный объект, имеющий форму и вид, не обязательно материальные, но каким-либо образом представляемые и мыслимые, который способен себя в каком-либо самостоятельном действии проявить, вне зависимости с адресативным субъектом, т.е. тем, к кому поверие обращено и кого оно явно или неявно предполагает. В то время как контрагент, будучи тем же самым, что и субъектный агент, отличается от него по последнему показателю, а его, в том числе и акциональное, проявление непосредственно связывается с проявлением адресата-субъекта, представляя необходимую акциональную пару к нему.

Признаки, выведенные для *давать*, находя свое отражение в представленной семантической единице, распределялись бы следующим образом:

‘контактное взаимодействие’ (с кем-либо) относилось бы к группе коммуникативных действий, или акциональных коммуникативов (того, что себя проявляет в действиях, в то вре-

мя как для коммуникативов это не обязательно), реализуясь в форме действий с консидеративами (поскольку речь о *булавке*);

‘посредствующий предмет, обуславливающий возможность’ был бы параметром, определяющим предметные средства, или предметы-медиативы, а поскольку за этим стоит изменение отношений в худшую сторону, это была бы группа консидеративов, или предметов, требующих предосторожности при обращении с ними.

Два указанных признака представляют фрагмент парадигмальной системы, которую следует понимать как референтивную в ее отношении к воспринимаемой Субъектом (носителем данной ментальной традиции) действительности. Фрагмент этот выглядит следующим образом, в отношении первого признака:

Коммуникативы – то, что связывается с представлением о взаимодействиях с кем-либо, подразумевая того или иного вида связь и контакт

Действия, или акциональности, как то, что предполагает активное проявление с чьей-либо стороны, обычно в направлении того или иного объекта либо с его использованием

Коммуникативные действия, или акциональные коммуникативы, в объединении двух параметров, того, что слева, и того, что справа

Действия с медиативами

Действия с консидеративами
(возможно, как разновидность
действий с медиативами)

Действия с консидеративами, имеющие коммуникатив-
ный характер
(в объединении признаков правой и левой части,
или как разновидность действий, а также коммуникати-
вов,
или как проявление в синтагматике, т.е. в контексте,
то и другое возможно и не исключено,
в приведенном примере с *булавкой*,
поскольку речь о предписании как правиле –
Никому не следует давать, следует говорить о парадиг-
матике,
т.е. как разновидности действий-коммуникативов с кон-
сидеративами)

И в отношении второго признака, также предполагая
уровни дифференциации:

Предметы-средства (медиативы)

Заряженные предметы (инсертивы)

Инсертивы-малефикативы,
способные причинить вред

Предметы-консидеративы,
требующие предосторожности
в обращении с ними

Предметы-консидеративы как средства (медиативы), используемые либо вольно или невольно себя проявляющие для причинения вреда,
что может быть как парадигматической, так и синтагматической характеристикой, как в предыдущем случае,
исходя из контекста (семантики предписания), следует говорить о парадигматике

Следующий признак из выделенных в описанной семантической единице – ‘изменение отношений’ (с кем-либо), относился бы к проявлениям концептуальной парадигмальной системы, определяясь как подкатегория категории положения релятивного класса в значении, далее, на следующем уровне проявления, ‘ухудшения’.

И, наконец, ‘субъектный агент’ и ‘контрагент’ относились бы к референтивной системе, той, в которой себя отражают имеющиеся в сознании представления о реальной действительности в ее отношениях и взаимодействиях с человеком

(Субъектом ментальной традиции, отражающей себя в материале поверий-примет).

Остается определить характер отношения всего того, что выражено в разбираемой семантической единице, реализующей себя при *давать* как 'контактное взаимодействие через посредство предмета, предполагающее возможность изменения отношений в сторону ухудшения с субъектным объектом взаимодействия', применительно к третьей систематизирующей парадигме, определенной как партиципирующая, т.е. с предположением участия и подключения человека. В этом своем проявлении и соответствующем повороте относить ее следует, исходя из контекста употребления в примере, к группе акционально-превентивного типа, в его прохибитативном подтипе, прохибитативно-эвитативной разновидности в данном подтипе, что также видится как последовательное распределение по уровням:

А Акционально-превентивный тип

– Какими-то действиями, вследствие осуществления, производства чего-либо, достигается предотвращение чего-то другого, опасного, ухудшающего, тяжелого, трудного, нежелательного

А3 (прохибитативный подтип)

– Предотвращение нежелательного предполагает накладываемый на субъекта (субъектов) запрет

А3(а) (прохибитативно-эвитативная разновидность)

– Следуя запрету, избежишь опасности, неприятности,

поражения, утраты,

- для себя / для кого-то другого (ауто- и альтро-эвитативная подразновидность)

Поскольку пример с *булавкой*, которую *Никому не следует давать*, предполагает, через посредство *давать*, акциональный характер контактного взаимодействия, отнести его следует, но только в первой части своей, к указанной как ауто-эвитативная подразновидность разновидности АЗ(а) (прохибитативно-эвитативной):

Никому не следует давать булавки, чтобы не раздуться и не рассориться; /но если уж необходимо булавку дать, то надо легонько уколоть того человека, кому даешь, чтобы предупредить таким образом возможно более сильный укол словом, или взять за нее копейку, – тогда ссоры не будет/.

И сюда же, в проекциях своих семантических единиц, описание которых, во избежание в данном месте ненужного усложнения, опустим, т.е. к той же ауто-эвитативной подразновидности для АЗ(а) в представляемой как партиципирующая парадигмосистеме попадут, из рассмотренных ранее:

В бане после третьего пара мыться нельзя, так как в это время в бане моются черти, лешие, овиnnики и сами банники. Если в это время пойдет кто-либо париться в баню, то живым оттуда не выйдет: черти его задушат, а людям покажется, что человек угорел или запарился.

Нельзя в бане мыться и после 12 часов ночи: банник мо-

жет задавить.

Нельзя мыться пьяным, иначе банник сдерет кожу и натянет ее на полок.

/Если найдешь булавку, лежащую к тебе острием, то это означает, что против тебя злоумышляет недруг;/ такую булавку ни в коем случае нельзя поднимать . Во второй части, после косых.

Нельзя в доме держать булавку раскрытой, это может привести к ссоре между домашними .

Следуя далее по семантическим единицам все того же первого при булавке примера, обращаемся к описанию того, что выражено с помощью слов *раздружиться, рассориться*, попутно и не так, чтобы попутно, имея при этом в виду того, с кем. В примере прямо это не обозначено, но составляемый им контекст именно это предполагает. *Никому не следует давать булавки* означает, что это может быть вроде бы всякий, любой. Вместе с тем, как следует далее, во избежание подобного положения, *если уж необходимо булавку дать, то надо легонько уколоть того человека, кому даешь ... или взять за нее копейку*. Трудно представить себе ситуацию, что таким человеком может быть лицо постороннее или малознакомое, к тому же, поскольку говорится о том, *чтобы не раздружиться и не рассориться и тогда ссоры не будет*, тот, о ком речь, т.е. потенциальный объект давания ему булавки, должен быть в таких отношениях с тем, кто дает, которые это предполагают. Иными словами, это кто-то знакомый и при

этом достаточно близкий, с которым установились, имеются такие контактные взаимодействия, которые могут подвергнуться изменению в сторону ухудшения вследствие возникшей вдруг неприязни и ссоры.

Не то, чтобы важным, но, видимо, небезразличным можно считать различие в представляемых как синонимы *раздружаться*, *рассориться* и к этому *ссора*. Отчасти они таковые и есть, однако для того, чтобы *раздружаться*, необходимо иметь перед этим дружественные отношения с соответствующим лицом или, во всяком случае, так полагать. В то время как *рассориться* и еще в большей степени *ссора* подобного положения как необходимого не предполагают. Но и *рассориться* можно не с каждым, а только с тем, с кем отношения имеются, по крайней мере, как нейтрально-приятельные.

Исходя из сказанного и воспринимая передаваемое с помощью обозначенных слов как нежелательное изменение сложившихся позитивно определяемых отношений с другим лицом (что, с точки зрения смысла глаголов и существительного, достаточно очевидно), подходим к определению выражаемых ими семантических единиц в исследуемой парадигмосистеме целого, на основе которого далее можно будет вывести представление о проекциях их составляющих признаков к трем ее подсистемам – референтивной, концептуальной и партиципирующей.

То, что выражено с помощью *раздружаться*, можно было бы в определяемом ключе показать как 'нарушение бо-

лее или менее устойчивых отношений эмоциональной близости и расположения, сложившихся между двумя людьми или двумя сторонами, в направлении их прерывания, вызванного какой-то причиной, предполагающей задевающее несогласие либо неприятие у обоих или кого-то из них одного, либо с позиции представителей (представителя) одной из сторон'. Исходя из контекста, представление о сторонах можно было бы опустить, поскольку речь в нем о лицах. И тогда *рассориться* было бы не нарушением, а 'результатом какого-то случая, предполагающего произошедшее взаимодействие с другим лицом (с другой стороной), из которого, в силу его обстоятельств, последовало, по какой-то конфликтной причине, нарушение в направлении прерывания имевшихся до этого ровных либо приязненных отношений'. *Ссора* определялась бы как 'событие, предполагающее остро конфликтное столкновение двух, до этого расположенных либо нейтрально и ровно друг к другу относящихся лиц (двух сторон), вызванное какой-то причиной, имевшей в виду несогласие либо неприятие по какому-то немаловажному и задевшему поводу (в восприятии и оценке обоих или же одного)'.

Из всего этого следуют представления:

- О субъекте, лице, стороне, определяемых как альтернатив, второе, другое, по отношению к исходному первому, тот и те, с кем складываются, в данном случае позитивно отмеченные, в том числе и эмоционально, отношения, выделяю-

щие его или их на фоне никак не отмеченных либо не позитивно отмеченных окружающих. Тем самым, это был бы объектный субъект предпочтения и выбора эмотивно-контактного взаимодействия с ним (преферентивного делектива) со стороны другого субъекта. *Субъект* – как наделенный волей и в функциональном отношении самостоятельный, *объектный* – поскольку тот, на кого направлено и обращено, кого предполагает данное взаимодействие.

- Об отношениях, сложившихся, устоявшихся, указанного перед этим эмотивно-контактного преферентивного делектива.

- О нарушении и, если далее, то прерывании того, что имело, сложилось, существовало (эмотивно-контактного преферентивного делектива с объектным субъектом альтернатива для разбираемого случая).

- О возможной конфликтной причине указанного нарушения и прерывания (эмотивно-контактного преферентивного делектива и т.д.).

- О событии, случае, происшествии, породивших конфликт.

- О несогласии и/или неприятии позиции, поведения, слов кого-либо, которые могут иметь задевающий какие-то стороны для субъекта характер, что становится, может стать конфликтной причиной указанного перед тем прерывания сложившихся отношений с данным лицом.

Все перечисленное укладывалось бы, во-первых, в кон-

струкцию взаимосвязи, в составе которой одно порождает либо предполагает другое, а во-вторых, позволяло бы вывести то, о чем речь, – проекции к трем подсистемам в составе их содержащего целого (предметного мира поверий-примет в парадигматическом его представлении).

Для конструкции можно предполагать такой вероятный вид:

$S1:S2[Rel(EmPos)] < Ev(CausConfl = DissocS1/S2) > Sciss[Rel(EmPos)], -$

событие, *Ev*, вызванное конфликтно-диссоциирующей (двух субъектов) причиной, ($CausConfl = DissocS1/S2$), ведет к прерыванию, *Sciss*, имевшихся перед тем позитивно окрашенных эмотивных отношений между ними $S1:S2[Rel(EmPos)]$.

В проекции к трем подсистемам:

- То, что событие, относилось бы как происшествие (каузатив) к подсистеме референтивной, имея в виду называемое в *ссоре* и подразумеваемое в *раздружиться, рассориться* в отношении того, что к тому и другому ведет. В ту же каузативную (происходящего внешнего) группу референтива, связываемого с действительностью, отраженной в предметном мире поверий-примет, относились бы, из рассмотренных перед этим примеров, *найти булавку (Если найдешь булавку, лежащую к тебе головкой / острием) и встреча с пустыми ведрами*.

- То, что конфликтно-диссоциирующая причина, подра-

зумекая, приходится при описании опустить, поскольку не находит она отражения в рассмотренном до сих пор материале, а без этого было бы трудно судить (если не появится это в дальнейшем), относится ли нечто подобное к разбираемому предметному миру поверий-примет, не исключено, что данный мир чего-то такого не предполагает.

- Прерывание отношений при *ссоре* и *раздружиться*, *рассориться* было бы проявлением категории положения, одним из ее значений, в составе релятивного класса для концептуальной подсистемы парадигматики целого.

- К той же категории положения в составе релятивного класса следует отнести, в ее значениях, определяемых как связи, зависимости, межличностные обязательства (конгрессии), позитивно окрашенные эмотивные отношения (в конгрессии усиления, интенсива), равно как и тех, с кем подобные отношения установлены, определяясь в значениях близкие (свои) / не ближайшее окружение / дальние, с проксимацией в степени.

Рассмотрим, на сей раз не так подробно, то, что себя объявляет далее, выражаясь с помощью слов 1) *если уж необходимо булавку дать*, 2) *то надо легонько уколоть того человека, кому даешь*, 3) *чтобы предупредить таким образом возможно более сильный укол словом*, 4) *или взять за нее копейку*, – 5) *тогда ссоры не будет*. Поскольку это последнее в (5) было уже рассмотрено, предметом анализа будет четыре первых проекции.

Контактное взаимодействие при посредстве предмета, требующего, как это было отмечено, предосторожности, в случае, при котором его реализацию не получается обойти, должно быть сопровождаемо действием или действиями, цель которых состоит в нейтрализации предполагаемых последствий. Иными словами, то, что обозначено в (1), процесс давания булавки в разбираемом случае, есть действие обусловливаемое, при котором тому, что в (1), предшествует то, что в (2), ибо сначала следует *уколоть того человека, кому даешь*, а потом уже дать. То, что в (1), допускает также, по выбору (*или*), то, что в (4), которое может производиться как перед, так и после давания. Из чего следует последовательно-временная несущественность действия нейтрализующего сопровождения. Важно, чтобы оно было осуществлено, но при этом от первого действия не оторвано, выступая как форма его "обволакивания". При этом характер того, что в (2), и того, что в (4), не идентичен. Легкий укол булавкой, объясняясь как предупреждение более сильного укола словом, можно рассматривать как обращенный, поворачивающий в обратную сторону превентив. То, что направленным было бы на дающего от того, кому булавку дают, предотвращается возвращением, изменением межсубъектной направленности, – действие, которое характеризовалось бы как аверсив, имея под этим в виду, с точки зрения закладываемого воздействия, перевод, оборачивание того, что заложено как энергетическая направленность в допускаемой

ссоре от субъекта к субъекту, от принимающего булавку к дающему.

Из сказанного будет следовать определение той же описанной семантической единицы в *давать* (при булавке), для *если уж необходимо булавку дать*, к ее синтагматически обусловливаемой проекции, характеризуясь как действие несамостоятельное и сопровождаемое, адъюнктивное. Действие, связываемое с производимым легким уколом, определяясь синтагматически как указанный адъюнктив, имеющий нейтрализующий смысл, в семантическом отношении, как концептуальная единица, представлялось бы как все то же ‘контактное взаимодействие, реализуемое через посредство предмета’, поскольку именно это важно, а не то, что укол, который будет собой представлять не что иное, как форму предполагаемой реализации, а ею может быть и нечто другое, используемое для того же и имеющее тот же смысл, развиваясь далее в определении как ‘обусловливающее возможность, посредством того же предмета, предотвращение изменения отношений в сторону ухудшения с субъектным объектом или контрагентом взаимодействия’.

Вместе с этим такое определение было бы общим для целого ряда аналогичных по своему характеру единиц, в том числе и с копеечкой, а потому и не соответствующим (подобные единицы возможны, но это не будет определяемый *укол*). В связи с чем уточнение в разрешающей части должно быть представлено по-другому, как ‘обусловливающее воз-

возможность, посредством того же предмета, нейтрализующее и упреждающее симулятивное обращение (аверсию) предполагаемого, в его направленности, действия по прерыванию существующих отношений, либо их изменения в сторону ухудшения, с альтернативным субъектом'.

То, что касается нейтрализующего и упреждающего характера производимого действия, имеющего к тому же симулятивный, уподобляющий (укол за укол), вид, относилось бы к партиципирующей части определяемой системы. Той части, которая предполагает, для разбираемого случая, воздействующее подключение человека к тому, что способно произойти. Однако, и это немаловажно, не как значение, укладываемое в какой-либо тип и подтип с его разновидностью, а как возможная форма ее (разновидности) проявления.

Подобно тому, как в грамматике имеется то, что описываясь, для примера, в параметрах глагол, прошедшего времени, совершенного вида, действительного залога, мужского рода, единственного числа, выражает далее себя в формах *пришел, пошел, принес, унес, прочитал, сделал, вернул, узнал, закричал, убежал* и пр. Из чего можно далее сделать вывод еще не вполне лексико-семантический, но отчасти и приближенный к нему, о характере данного действия, мыслимого в его переходности / непереходности, а также моделирующей для сознания форме возможного расширения, за которым стоит представление о возможном агенте, объек-

те, обстоятельствах и условиях. С точки зрения грамматических, реализуемых в этих формах, значений различия между ними нет. С точки зрения моделирующего о них представления различия неизбежны.

В то время как, скажем, *пришел, пошел, убежал*, предполагают для восприятия связанные с этими действиями представления о пространстве и с этим производимом в этом пространстве движении, продвижении субъекта, с чем связана их непереходность, *принес, унес, вернул* моделируют положение некоего в себя подключающего действия, распространяемого на материальный предметный объект, *прочитал* – на нематериальный в его содержании, а *сделал* – равно на тот и другой, с переходностью. *Узнал*, в свою очередь, может предполагать распространение на объект как одушевленного, так и неодушевленного вида, а *закричал* – проявление субъекта, связываемое с эмоциональным его состоянием либо манифестируемым выражением чего-либо. Тем самым, это лексическая семантика, но одновременно с этим такая, которая типологизирует для сознания, распределяя в группах некие смысловые общности, обуславливая использование их в языке.

Отчасти это можно также представить подобно тому, что в грамматике определяется как связанные с категорией вида способы глагольного действия, характеризуясь в лексико-грамматическом отношении, т.е. таком, при котором лексическая семантика находит свое выражение в грамматике

при посредстве словообразовательных средств – приставок, суффиксов, приставок и суффиксов и постфиксов одновременно, дифференцируясь в группах 1) временной характеристики протекания действия: *просидеть, проплакать* (всю ночь); 2) количественно-временной: *перемигиваться, посматривать, приболеть, подсластить, подвернуться*; 3) достигаемого действием результата: *дочитать, доработать, приняться* (о растениях), *достучаться*. Группы эти далее различаются в видах, определяемых как начинательный (*заголосить, завывать, запеть, разболеться*), ограничительный (*почитать, посидеть, походить*), длительно-ограничительный (*переночевать, перезимовать*), окончательный (*отработать, отвоеваться*), повторительный (*переписать, перечитать* в смысле еще раз), однократный (*крикнуть, стукнуть, срубить*), многократный (*сизживать, хаживать, читывать*), сопроводительный (*подпеть, поддакивать*)^{7*} и т.п. Возможны также другие определения и классификации. Существенным будет то, что это своего рода пограничное поле, лексическая семантика, находящая свое выражение не только в такой, парадигматической, типологии, но и в характере, далее, грамматической квалификации, а с этим в контекстном использовании, а тем самым, и синтагматике, соответствующих слов.

⁷ * Описание и часть примеров взяты с сайта: https://studme.org/1749011018507/literatura/sposoby_glagolnogo_deystviya (дата обращения: 12.08.2021)

О моделирующих формах возможных значений

Возвращаясь к рассмотренному с булавкой при необходимости ее кому-либо дать, с кем в связи с этим возможны подразумеваемые в *раздружиться*, *рассориться* прерывания отношений и их нарушение, напомним фрагмент представленного ранее для партиципирующей части системы типа в его соответствующем подтипе и разновидности:

А Акционально-(презенсно-)превентивный тип

A1 (медиативный подтип)

A1(a) – Делая нечто при помощи какого-то предмета, отводишь что-либо в отношении себя (медиативно-эвитативная разновидность)

Если носить всегда при себе камень аметист, то он удержит и исцелит человека от пьянства и запоя.

/Никому не следует давать булавки, чтобы не раздружиться и не рассориться;/ но если уж необходимо булавку дать, то надо легонько уколоть того человека, кому даешь, чтобы предупредить таким образом возможно более сильный укол словом, или взять за нее копейку, – тогда ссоры не будет. Во второй части, после косых.

Чтобы никто не сглазил, следует на изнанку платья, чтобы никто не видел, приколоть булавку.

То, о чем речь как о моделирующих по своему характеру формах производимого действия, обращается вокруг представления о выраженном при посредстве слов *носить* (всегда) *при себе* (нечто, что является средством предотвраще-

ния чего-либо, а также *иметь при себе* или что-то подобное); *легонько уколоть* (в данном случае *того человека, кому даешь*, с той же целью предотвращения и как соответствующее действие, не обязательно выглядящее в его обобщении как *уколоть*); *взять за что-то одно что-то другое* (за *булавку копейку* в примере); *на изнанку платья* (чтобы никто не видел) *приколоть булавку*, в данном примере, что в обобщении предполагало бы осуществление действия, ведущего к прикреплению к тому, что имеется на себе, чего-либо защитно-предотвращающего в той части, которая скрыта от посторонних глаз, и так, чтобы без наблюдающих данное действие свидетелей.

Нетрудно заметить, что превентивный характер того, что представлено в подтипе как медитативно-эвитативная его разновидность, предполагает различный способ производимых с их объединяющей общей целью действий. И это становится основанием дальнейшего типологического различия в видах а) перманентного аппликатива, по отношению к предметному медиативу, как тому, что постоянно и непрерывно должно быть приложено, присутствуя при субъекте и при нем находясь; б) симулятивного аверсива, при посредстве предметного медиатива, как того, чем производится действие подобного от подобного, с отвращением, обращением, отведением ожидаемо-возможного от себя; с) обменного замещения, коммутативного субститутива, предполагающего подстановку, введение, подключение одного вме-

сто, взамен другого; d) скрытого прикрепления, интровертного аффиксива, с внутренним, скрытым от посторонних, что важно, и скрепляющим, закрепленным использованием предметного медиатива в непосредственной близости от себя.

Об особенностях сигнификативного класса (первый подход)

Продвигаясь далее, стоит задуматься над различием того, о чем отчасти уже говорилось. Рассмотрим в паре, не обращая пока что внимание на соответствие того, что булавка, найденная головкой к нашедшему либо же острием, не случайным образом связываются с тем, *что тебя вспомнил приятель* либо *что против тебя злоумышляет недруг*, предполагая направленность, имея в виду острие, от себя и напротив, к себе.

Обратимся к тому, что собой представляет такая булавка. Прежде всего, это знак и, тем самым, для подсистемы концептуальной, то, что будет иметь отношение к сигнификативному классу. В этом случае та же булавка действует не как средство (медиатив) достижения какой-либо цели, что следовало из примера, содержащего предостережение *никому ее не давать*, но как означающее чего-то передаваемого в ней. Это что-то (*приятель, который вспомнил*, и важно, что *вспомнил*, поскольку *приятель* исходное, а также *недруг*, с таким же существенным различием актуализируемого *против тебя злоумышляет*) относится, как было показано ра-

нее, к релятивному классу в его категории положения, не входя в данном месте в дальнейшие уточнения. Вопрос, который предстоит разрешить, заключается в том, чтобы вывести категории с их значениями и подзначениями для сигнификативного класса, что непросто сделать, имея ограниченный пока что двумя примерами материал – с булавкой, найденной лежащей головкой или же острием, и пустыми либо полными ведрами, с которыми происходит предполагаемая встреча.

Чтобы быть последовательным, прежде чем подойти к выведению категорий сигнификативного класса, со всем составляющим их остальным, определим для начала ту семантическую и концептуальную вместе с тем единицу, которая за булавкой, представленной в указанном нахождении стоит, отвлекаясь, как это было и ранее, от того, что это булавка, и видя в ней соответствующее разбираемому положению представление. Определив такую, в ее обобщении и отвлечении от материального выражения в булавке, но как предмете, не слове, семантическую единицу, можно будет увидеть в составе ее образующих признаков далее то, что даст возможность, как это было проделано раньше, вывести то, что будет касаться устройства характеризуемой системы в различных ее составляющих, трех подсистемах с их классами, категориями, их значениями и подзначениями.

Первое, на что следует обратить внимание, можно видеть как представление о том, важно или не важно то, что некий

сигнификативный предмет есть объект находки, столкновения, встречи с ним, его видения и восприятия, как то, что показало себя вдруг на пути. Видимо, важно, поскольку за этим стоит то, что можно считать объявлением, понимая под этим такое, с объектным предметом связанное, положение (таким объектом может быть и человек, и животное, и что-то другое, или все то, что воспринимается, видится, может быть таковым), – такое с ним связанное положение, которое по своему смыслу напоминает "всплывание", проступание на поверхность, открытую для восприятия, чего-то скрытого, прямо не наблюдаемого и на данный момент неизвестного. Немаловажным в этом ряду является и сам наблюдатель, которому объявление это дано, его участие будет необходимо, поскольку, если подобный предмет не увидеть (на своем пути не увидел булавки идущий, лежащей к нему головкой либо же острием, не заметил, что ведра, с которыми по дороге встретился, полные либо пустые), то и о событии не приходится говорить. Тем самым, при всяком сигнификативе, определяя его к объявлению, т.е. тому, что дается в его направлении на того, кому оно предназначено и кто его адресат, взаимодействуют участвующим и определяемым, дополняемым одним другим и уточняемым, образом три компонента: тот, кому это назначено – то, что несет и содержит в себе – и то, что передается, содержится, для первого во втором.

Следующим шагом, приближающим к определению сиг-

нификативного класса в его возможном составе, будет установление смыслового характера, заключенного в знаке. Установление подобного рода следует видеть в его вероятных различиях: нечто одно содержит в себе другое, в то время как еще одно нечто содержит свое другое и т.п. Важным при этом, при искомой характеристике смысловой разновидности знака, будет не столько само содержание того, что им передается, поскольку оно относимо, скорее, если не в первую очередь, к определениям релятивного класса, сколько типологически воспринимаемый вид предполагаемой направленности. Для того, чтобы это увидеть в подобного рода различии, необходимо представить его на примерах. Отберем для такого анализа из материала источника ряд поверий-примет, обратив внимание только на то, каким направляющим и ориентирующим образом отраженные в них знаковые компоненты что-либо передают.

Примеры с нахождением булавки и упомянутой ранее встречей с пустыми ведрами ранее предполагают такие соотношения (опустим контекстуальные уточнения, которые для разбираемого случая не важны):

Булавка > вспомнил приятель / злоумышляет недруг

Пустые ведра > начатое дело будет безуспешным, задуманное не исполнится

К этому необходимо добавить из двух других поверий-примет:

Женщина с пустыми / полными ведрами > к несчастью,

дурным вестям / к счастью, хорошим вестям

Мужчина с пустыми / полными ведрами > к счастью / к несчастью

Последующий материал дает такие соотношения:

Листок от веника после подметания пола > приход гостей

(из такого поверия: Если после подметания пола останется на нем листок от веника, то это предвещает гостей.)

Вилка, упавшая вдруг со стола, если ее поднять > приход гостя, женщины

(Если вдруг со стола упадет вилка, то это значит, что вскоре придет гость, непременно женщина, но только в том случае, если упавшую вилку кто-нибудь поднимет.)

Каша из горшка вышла дочиста > горшок разобьется

(Если каша вышла из горшка дочиста и ни одна крупинка не пристала к его стенкам, то в этом горшке не придется больше варить каши: он разобьется.)

Горшок в печке сильно шипит > к покойнику.

Если мужик везет по улице горшки > то на той улице не будет свадьбы.

Если в гости кто-нибудь придет попусту, без дела > то весь день будут ходить за пустяками.

Первый гость 1 октября был мужчиной / женщиной > овцы родят более барашков / ярок

(По первому гостю, пришедшему 1 октября, замечают, какого пола ягнят будут больше рождать овцы – барашков

или ярк: если гость был мужчиной, то овцы родят более барашков, а если женщиной, то ярк.)

Если в гостях во время еды поперхнешься > значит, хозяин пожалел своего угощения.

Зуб, потерянный из граблей хозяином, отправляющимся на сенокос > крупная хозяйственная потеря до окончания сенокоса

Потеря такого зуба > какая-нибудь домашняя потеря
(Когда отправляющийся на сенокос хозяин потеряет из граблей зуб, то он должен возвратиться домой и взять другие грабли, иначе ему придется перенести крупную хозяйственную потерю до окончания сенокоса. Впрочем, уже одна такая потеря зуба грозит какой-нибудь домашней потерей.)

Если дверь сорвалась с петель > быть пожару.

Если ночью сама собой отворится дверь > нужно ожить в доме покойника, за которым, несомненно, приходила смерть.

Кто дверью сильно хлопнет > тот жениться захотел.

Если двери начали скрипеть > то это предвещает выезд.

Если двери, никогда не скрипевшие, вдруг заскрипят > то это значит, что в доме начнутся неприятности.

Найденные мелкие деньги себе не берут, так как мелочь > к слезам.

Деньги, найденные на полу или на земле натошак, не следует поднимать, если при них не окажется лучины или щеп-

ки > иначе весь день будет неудачный.

Видеть медные деньги во сне > к слезам.

*Когда с высоты строящегося дома мастера увидят зайца
> дом не будет счастливым для жильцов,
а когда – волка > дому предстоят всяческие благополучия.*

Остановимся в данном месте на этом, не привлекая других примеров и ограничившись приведенными. Для искомого определения различий внутри сигнификативного класса, как уже ранее говорилось, необходимо отвлечься от передаваемого в материале поверий смысла, обратив внимание на более обобщенный смысл предполагаемой в знаке направленности.

Параметры описания сигнификативного класса

Первое, существенное по своему виду, отличие заключалось бы в том, что в одних повериях содержится представление о том, что происходит в данный момент или уже произошло, но тому, кто воспринял, подобное обстоятельство неизвестно. В то время как в других, и таких большинство, говорится об ожидаемом будущем, на которое, в каких-то случаях, предотвращая его, возможность имеется повлиять, но не с тем, чтобы изменить неблагоприятное в сторону благополучия, а с тем, чтобы неблагоприятия избежать. Из чего будут следовать знаки, поддающиеся и не поддающиеся изменяющему их содержание воздействию.

Вместе с тем указанное и кажущееся немаловажным от-

личие первого вида, с временем настоящего неизвестного, происходящего или произошедшего, и временем ожидаемого к проявлению будущего, с точки зрения ментальных особенностей предметного мира примет, отличием, собственно говоря, не является, поскольку особенности мифологической, в основе своей, концептуальной системы в отношении времени подобного различения не предполагают. То, что ожидается и что произойдет, в этом мире уже существует как состоявшееся⁷. Не вдаваясь в подробности данного представления, поскольку это не наш предмет, обратим внимание лишь на то, что в таком образом представляемом мире существуют только два времени – то, которое в данный момент, и другое, ведущее, главное, постоянное, "мифологическое", вневременное, оно же воспринимается как 'время сна', который такое время в себе отражает.

Что касается различения, предполагающего возможность воздействия либо не то, чтобы невозможность, но отсутствие таковой, на то, что содержит и передает в себе знак, различение это следует полагать релевантным, определяя как изменяемую (мутативную) либо неизменяемую (иммутативную) при каких-то условиях, кондициональную, данность (презенцию).

Отталкиваясь от подобного представления о данности как существующем и продвигаясь далее в определении, подходим к установлению ее обобщенного вида, или характера. Данность может затрагивать в своем обобщающем направ-

лении не те стороны человеческого бытия, которые, как уже говорилось, находят свое отражение в категориях релятивного класса, а воздействующее, или мутирующее, влияние (если пользоваться параметром первого уровня различения) на это самое бытие и жизнь человека.

При таком повороте и в так представляемом ключе получаем, опираясь на первом примере, то, что собой представляет, с одной стороны, позиция *тебя вспомнил приятель*, а с другой, *против тебя злоумышляет недруг*. То, что вспомнил кого-то приятель, ничем тому, кого вспомнил он, не грозит, к тому же не требует воздействующего вмешательства и изменения, не предполагая его. Помимо этого, никак особенным образом не влияет на жизненные (для увидевшего булавку головкой к себе) обстоятельства, кроме того, что содержит в себе указание на актуализированный в том, что *вспомнил*, характер установившейся с кем-либо положительной проксимальной связи (по параметру близости, но не родства). И это можно было бы определить как 'иммутативное состояние актуализированной проксимальности', если бы не то, что, с другой стороны появляется, в паре к булавке, неслучайно лежащей другим концом к наблюдателю, *против тебя злоумышляет недруг*. В этом последнем также содержится положение, связываемое с 'иммутативным состоянием актуализированной проксимальности', с тем отличием, что таковая будет иметь характер деструктивно негативной направленности. Следовательно, это отличие, равно как

и переданная в виде значения в одинарных лапках характеристика, будет касаться неполного и предварительного определения концептуальной и семантической единицы, а не искомого установления категориальных значений сигнификативного класса.

Возвращаясь к необходимости указанного определения, следует еще раз задуматься над тем, что в иммутативном своем направлении содержится в представлениях, передаваемых словами *вспомнил* и *злоумышляет*, различаемые или не различаемые это, в отношении объектного их субъекта, положения. Первое можно и следует воспринимать как направленный внутренним образом от субъекта к субъекту посыл, миссив, эмотивно окрашенной позитивности. Второе не будет представлять собой пару к указанному миссиву, поскольку не предполагает неременной направленности, точнее предполагает, имея ее в виду, но не это составляет главное в искомом определении. Злоумышление следует понимать как готовящийся, продумываемый злоумышляющим субъектом, подрыв (аффликтив) того, что должно и будет касаться другого субъекта, против которого первый злоумышляет, подрыв его положения, состояния, мнений о нем, того, чем он обладает, владеет, чем занимается, что составляет, в своем обобщении, какую-то сторону его существования и бытия.

Определяя дальнейшее в том же обобщающем отображении, пример с пустыми ведрами, при встрече с ними (*нача-*

то дело будет безуспешным, задуманное не исполнится), не будет связываться ни с миссивом (посылком с чьей-либо стороны), ни с аффликтивом (подрывом). Это то, что по своему характеру сводится к положению, при котором не важно, что *дело*, но важно, что *начатое*, так же как важно второе – *задуманное*, которым, тому и другому, не дано прийти к своему желаемому завершению. Проявление этого также иммутативно, поскольку не предполагает возможности изменяющего воздействия, а само значение можно было бы относить к параметру (как соответствующей категории) достигаемого результата в составляющих ее значениях эффективива / дезэффективива.

Несчастье в их соединении с *дурными вестями* в приведенном поверии в противоположении к *счастью* и *хорошим* при них *вестям* (с *женищиной* с *пустыми* либо *полными ведрами* и также с *мужчиной*, но наоборот), прежде всего, следует понимать в том отношении, что о *несчастье* или о *счастье* будет известно вследствие получения *дурных* либо *хороших вестей*. В связи с чем это не счастье или несчастье как таковые, в понимании счастья либо несчастья в жизни как доброй либо же злой фортуны-судьбы, а приносимые вестями радости либо печали по какому-то поводу. Тем самым, дурные или хорошие вести не следует самостоятельно и обособленно воспринимать, но в их связи с обозначенными счастьем либо несчастьем, которые, не исключено, что уже себя проявили и произошли, а о них адресату

лишь будет известно. Впрочем, как уже говорилось, с точки зрения предметного мира поверий-примет, такое различающее уточнение несущественно. Существенным будет другое. Определяясь к выстраиваемому характеру выведенных перед тем категорий – посыл, подрыв, результат, та категория, которая стоит за приносимым в известиях счастьем либо несчастьем, сводилась бы к усиливающему и воодушевляющему либо, напротив, ослабляющему и понижающему получению, акквизитиву, в обозначенных как усиление и ослабление чего-то, экзистенционального состояния, положения, значениях.

Следующий далее *приход гостей, приход гостя, женичины*, с мутативом в обратную сторону (не придет, если вилку не поднимать) можно рассматривать не как еще одну категорию, а как значение выведенной ранее категории миссива, посылы, понимая ее как направленное обращение, с подключением, вхождением, проявлением, объявлением, чего-то в чем-то или, как в разбираемых случаях, кого-то в индивидуальной либо приватной сфере кого-то другого (других). Этим, собственно говоря, и является то, что названо с помощью слова (*тебя*) *вспомнил (приятель)* и затем *гость*, с его приходом к кому-либо как объявлением, появлением в приватной, домашней, сфере того, к кому он пришел.

О различении категориальных значений

Возникает в этой связи необходимость разграничения значений миссива как категории. Оттолкнемся от приведен-

ных примеров. Чем отличался бы по характеру своему посыл в виде *вспомнил* (кто-то о ком-то) от *пришел* (кто-то к кому-то в гости, в качестве гостя, а не по другому какому-то поводу)? В связи с тем, что указано в этих последних скобках, уточнения требует само понятие 'гость', понятие, и это важно, не слово. Гость, в этом смысле, есть тот, и при этом не обязательно человек, кто, являясь как движущееся и действующее, одушевленное и самостоятельное в волевом отношении лицо, неважно при этом званый или незваный, который, поскольку к кому-то пришел, привнес с собой, а также самим собой, в экзистенциальную, бытовую, эмоциональную, темпорально-пространственную, психофизическую и пр. сферу данного бытования какую-то новую часть, как воздействующий на эту сферу и действующий, начинающий действовать в ней, побуждающий, заряжающий, будоражащий, компонент чего-то другого, возможно просто иного, возможно потустороннего, возможно чужого. Пребывание его во времени ограничено, появление может быть связано и связывается с определенными регуляциями и нормативами, однако не это важно для разбираемого случая, важно другое, а именно то, что отличает такого гостя с его приходом от *вспомнил* (кто-то о ком-то, приход к кому-либо в гости, в известном и неслучайном смысле, это также напоминание, как оживление либо установление контакта и связи). Если это второе предполагает миссив неявный и не вторгающийся, не проникающий, то приход будет явным и про-

никающим, входящим, в своей обращенной направленности, к тому, к кому в гости приходят. Данное различие можно видеть как семантическую характеристику определяемой категории в ее значениях посылы входящего, миссива интроитивно-контактного, и миссива имагинативно-дистантного, удаленного.

Возвращаясь к знаку прихода гостя (гостей), довольно частому в материале поверий-примет, имеет смысл задуматься над возможным (если окажется) различием между *вилкой*, упавшей вдруг со стола, с добавлением *если ее поднять*, что предвещает появление в качестве гостя женщины, и *листом от веника*, оставшимся после подметания пола, что *предвещает гостей*. С одной стороны, единственное число с обозначением к тому же и пола – женщины. С другой стороны, число не единственное и без подобного рода дифференциации. С одной стороны (продолжая далее), не участвующее и мимовольное проявление предмета – падение вилки, со стола и к тому же не просто, а *вдруг*. С другой, не замеченный при подметании как осуществляемом, обычно женщиной, действию, возможно также хозяйкой, и ею оставленный, следовательно непроизвольно, листок от веника на полу. И в то же самое время, при вилке, гостя придет, если вилку поднять, и не придет, если это не сделать, т.е. знаковость отвратима и мутативна. Неважно при этом делается это произвольно или непроизвольно, поверие об этом не говорит, а положение будет зависеть от обстоятельств. Непро-

извольность заложена исходно с листком от веника на полу, поскольку вряд ли следует полагать, что упавший при подметании пола листок был замечен и при этом оставлен намеренно. И знаковость эта иммутативна, на появление либо непоявление в доме гостей нет возможности повлиять.

Обращаясь вокруг перечисленных вследствие сказанного различий, необходимо понять, что из этого определяет, если определяет, влияя, категории и их значения для сигнификативного класса, а что таковой способностью не наделяется, предполагая нечто иное. Обратимся для этого к представлению, в более общем его положении, знака и того, что содержится в нем. Нечто произошедшее, состоявшееся, при этом в доме, в пределах его, имея своим отношением проявление к полу (пол подметается веником, вилка на пол падает со стола, хотя об этом прямо не говорится), с положением, точнее расположением, на полу – вилка лежит на полу, листок от веника также, указывая на возможный, при вилке, либо неизбежный, при листке от веника, чей-то, кого-то, в доме приход.

Имеется некий указывающий на ожидаемое проявление предмет (вилка, листок от веника), который становится знаком данного проявления при условии а) измененного в исходе своем положения (со стола для вилки, на венике для листка), уточняемым далее как знак прихода в дом б) при своем размещении на полу в этом доме (пол в этом случае, с одной стороны, выступает как плоскость пространства движения,

сопровождающего появление гостя, гостей, а с другой, поскольку он в данном доме, то в данный дом, выступая неотъемлемой частью его, будучи объединенно двойственным в своем этом смысле). И это было бы в отношении значений сигнификативного класса всё. Остальное следует из другого.

Завешенный в своем допускаемом разрешении приход применительно к вилке следует, определяя себя в своем результате, из поведения человека – поднять ее / не поднять. Что не было бы положением, относимым к значениям сигнификативного класса, предполагаясь как вероятная предикация. Неизбежный и не предполагающий действующего участия со стороны человека приход гостей при листке от веника на полу становится следствием произведенного применительно к полу действия (подметания), в котором видится, во-первых, множественность (листков и прутьев в венике), определяющая далее, но после отрыва одного из листков, и это было бы во-вторых, то, что выражено словом *останется* (на полу), *отрыв* – к неизбежности, *останется*, один (листок) из количества большего (путьев-лиستков) – к появлению в своей неединственности в данном доме другого (гостей). То же с вилкой, определяющей женский пол. Из чего следует то, что перечисленные значения знака, как вилки и как листка, являются проявлениями не категориальными в отношении класса, сигнификативного в разбираемом случае, а того, что связывается с проекцией семантических единиц, характеризую гостя-женщину, т.е. гостью, и, соответ-

ственно также, гостей, в отличие от гостя без указания пола либо гостя-мужчину. Четыре значения, которые не безразличны для мира поверий-примет, однако в данном месте мы определять их не будем, поскольку не о них в этом случае речь.

Вместе с тем, с другой стороны, но отвлекаясь от текста поверия как такового, видимо, важно, *что вскоре придет гость, непременно женщина*. И на эту важность указывает и то, что *вскоре*, и что *непременно*. Так же как важно, что *предвещает гостей*, не одного и каким-то числом. В связи с чем как первое, так и второе требуют своего объяснения.

Объясняя одно и другое, видится небезразличным связывать ожидаемое появление гостыи / гостей с тем, что их отмечает, в отношении упавшей вилки и оставшегося после подметания пола листка от веника. Первое, как уже отмечалось, произойдет при условии, зависящем от совершившего определенное действие – *только в том случае, если упавшую вилку кто-нибудь поднимет*. В этом *поднимет* содержится одновременно и то, что *придет*, и то, что *вскоре*. Исходя из чего, с допущением, если упавшую вилку никто не поднимет, и тогда не придет, получается, что провоцирующим компонентом, запускающим появление гостыи, выступает именно это *поднимет*. Но коль скоро *поднимет*, то, анализируя данное действие в его не задумывающемся автоматизме, по-видимому и скорее всего, производимое машинально, не отдавая в этом себе отчет, предполагает это *поднимет* то, что,

собственно, и отмечает происходящее, складывающееся из того, что а) *упала*, б) *вилка*, с) *вдруг* d) *со стола* (а не откуда-нибудь еще), е) поскольку *упала* и *со стола*, то, видимо, на пол (а не на лавку, на стул), хотя об этом прямо не говорится. Соединение всего этого предполагает входную позицию, то, что предшествует вероятному разрешению, каким и является f) *поднимет*. Распределяя указанные в шести пунктах компоненты, получаем такие соотношения: упала – поднимет > придет; со стола – на пол > гость; вдруг – поднимет > вскоре; вдруг – вилка > непременно женщина.

В выведенных соотношениях небезразличным видится, с одной стороны, положение неперенности, связываемое с внезапностью и имеющее отношение к тому, что гостем окажется женщина. То и другое, как признаки, могут исходно и внутренне, в сознании и ощущениях, определять характерное для предметного мира поверий-примет восприятие женского, – внезапность, неотвратимая неперенность и такое же в отношении ее появления⁸. При условии, если *поднимет*, или, иными словами, если не то, чтобы пойти ей навстречу, но что-либо в отношении ее появления и приближения предпринять, будучи, что также себя проявляет как неслучайность, к этому чем-то подтолкнутым.

На этом, однако, приходится ограничиться в определении понятийно-предметного положения женского, поскольку все возможное остальное находится за пределами разбираемого случая. Можно, конечно же, рассуждать, привле-

кая ориентированные сенситивно-концептуальными впечатлениями восприятия вилки в их отнесении к женскому, что-нибудь вроде признаков применяемых для накалывания при поглощении пищи зубцов, которые можно также использовать при нападении или защите и что не следует прямо и непосредственно понимать (грамматический показатель женского рода в данном случае также не без значения). Однако это не будет существенным, к тому же в немалой степени и выходя за пределы рассматриваемого примера.

С другой, в свою очередь, стороны, обратить внимание следует на то, что себя соотносит с чем-то таким же по уровню для примера с листком от веника, остающимся после подметания на полу. Речь идет о том, что видится в следующем расположении:

Упала / Остался

С пола поднять / После подметания пола

Вилка со стола / Листок от веника

В доме

В первой строке отмечается то, что следует относить для сигнификативного класса по уровню к *встретить, увидеть, найти* (женщину / мужчину с пустыми / полными ведра-

ми, булавку головкой либо острым концом из предшествующих примеров). И это было бы то, что можно воспринимать как производимое (продуктив), для *упала*, *остался*, либо наблюдаемое и встречаемое (обсерватив и интродуктив для *встретить*, *увидеть*, *найти*) в знаковом по отношению к своему адресату, отмечаемом как знаковое для него, проявлении, стечении предваряющих обстоятельств (декурсиве). Это последнее было бы категорией в отношении сигнификативного класса, проявляемой в значениях производимого, наблюдаемого, встречаемого – *На пути* для четвертой строки, соотносимой с позицией *В доме*.

Вторая строка, в свою очередь, предполагает участие – некто поднимет, может поднять, либо не сделает этого, и тогда знака в реализации не произойдет, и при этом после того, как вилка на пол со стола упадет. И сюда же – некто, с предположением, что хозяйка и женщина, подметает, после чего остается листок от веника на полу, т.е. порядок обратен, агентным субъектом сначала производится подметание. Определить это можно как постпозитивное либо препозитивное субъектное сигнификативное подключение (акцессив), что также было бы категорией разбираемого класса с ее подзначениями постпозитива и препозитива.

Третья строка определяла бы то, что в предыдущих примерах себя относил к *булавке*, головкой либо острым концом к нашедшему, и *ведрам*, пустым либо полным, с женщиной либо мужчиной, – *вилка* поэтому с дополнением *со*

стола, а листок — от веника. Булавка в этом контексте, и не только в этом контексте, что можно было увидеть на материале других поверий-примет, была бы тем, что, внутренне соотносясь, мотивирует семантику контактно взаимодействующих отношений между людьми (ссоры, конфликты, приятель, недруг, сглаз, на изнанку платья скрытым образом от других). Равно как ведра — семантику достижения либо недостижения, исполнения либо неисполнения чего-либо для субъекта, что, как даваемое, получаемое, осуществляемое, находится в себя разрешающем продвижении к невидимому либо уже достигнутому концу (начатое дело, то, что задумано, счастье либо несчастье определяемые как получаемая весть).

Все эти значения можно было бы относить к категории форматива сигнификативного класса, себя обнаруживающей в определяемом внутреннем образе, для которого важны и ощутимы не собственно вилка, листок от веника, ведра, булавка, но то, что за этим стоит, понимаемое, соответственно, не как обобщенно воспринимаемое женское, а как 'женское неотвратимо внезапное, прободающее, вталкивающееся, толкающееся', в составе которого определяющим будет вторгающийся, входящий, нарушающий, инкурсивный, момент. Понимаемое далее не как гости с их появлением и приходом для листка, но как 'отделяемое от своего родового в родовом несвоем' в его получающемся вследствие этого транзитиве (по отношению к формативу). Не как то, что

может быть, применительно к ведрам, полным либо пустым, но как то, что требует, предполагая, своего исполнения, завершения, достижения, комплетива. Не как то, что может быть острым либо обратным и безопасно тупым для булавки, но как то, что определяет значение защитного расположения со стороны кого-то другого (других) либо, напротив, направленного в своем деструктиве поражения, в объединяющем то и другое значение адьютиве^{8*}.

Если отвлечься от скрытых за выделенными четырьмя проявлениями для форматива от субъектной либо предметной (для комплетива), экстенсиональной по своему характеру, стороны, обратившись непосредственно к ним четырем в их интенционале, то можно увидеть некое общее, определяющее себя в графически представляемых направленностях:

- От чего-либо, в реализации кем-либо, на то или к тому, что притягивает и в которое входит своим проявлением инкурсив, имея в геометрическом представлении характер отрезочный, от точки *A* к точке *B*, при котором не столько не важно, что за этим скрывается 'гость', сколько существенным будет то, что не только 'гость', но и нечто (некто) подобное для инкурсива другое.

- Внутренне от чего-либо, но в реализации и стоящем за ней представлении существен иной акцент при транзитиве, предполагающем обусловленный переходом приход, при ко-

⁸ * Лат. **adjūvo, adjūvi, adjūtum, adjūvāre** 'помогать, поддерживать'; 'содействовать, способствовать, благоприятствовать'.

тором исходно, также отрезочный по своему виду характер, от точки *A* к точке *B* определяется отношением к линии перехода в отрезке с внесением в точку *B* того, что составляет сущность другого из точки *A*. При этом также реализуемые в приведенном примере приходящие 'гости' будут одним из возможных для транзитива картинно-образных, скажем так, положений.

- От чего-либо, что скрыто и не проявленно наполняет, будучи не определяемым явно и очевидно, в направленном сверху движении, при котором нет и не может быть представления об отрезке, на то, в отношении того, что требует изначально как некая воспринимаемая данность своего наполнения (исполнения, завершения, совершения, комплетива). При этом имеется как целевая точка *B*, но нет представления об *A* как исходе, тем более, что не исходе, а завершении, отчасти воспринимаемая для *B*, при ее исполнении, как то, что, двигаясь, проходя и переходя, способно само себя наполнять, если имеет к тому способность и силу. Однако и вместе с тем наполнение это зависит и обуславливается от внешне располагаемых, с одной стороны, обстоятельств-причин и от чего-то, с другой стороны, иного, необъяснимого, что можно, но только условно, чтобы как-то представить, видеть в определениях судьба / не судьба, сложилось и получилось либо, напротив, не получилось и не сложилось, не стечением обстоятельств, а чем-то высшим, определяющим, что влияет на счастье или несчастье, удачу и неудачу, исполненность и

неисполненность — действий, задуманного, производимого, а с этим и в целом переживаемую и проживаемую жизнь в ее фрагментах и, если далее, целостности.

- Адьютив, в свою очередь, можно представить, как в положительном, так и в отрицательном для испытывающего его на себе положении, как направленно векторное, и тогда отрезочное, снизу, от кого-либо или чего-либо, поддерживающее движение или объемлющее, охватывающее, включающее, окружая, в себя, в виде защитного и также поддерживающего либо, напротив, препятствующего, мешающего, деформирующего, круга того, что принято называть окружением, близкими, посторонними и пр., в их воздействующем проявлении на кого или что.

Форматив, как можно предположить, не ограничивается четырьмя перечисленными значениями, их будет больше, на что внимание предполагается обратить при дальнейшем анализе.

Возвращаясь к четвертой строке в показанной ранее схеме, с ее проявлением *В доме* при вилке и листке от веника в двух приведенных примерах, соотнести положение *В доме* следует, с одной стороны, с тем, что было выражено применительно к первой строке (*Упала / Остался*), а с другой, с тем, что имело свое отношение к булавке и ведрам из предыдущих примеров, для которых в первой строке было бы нечто передаваемое в смыслах *Увидеть, Встретить, Найти*, а в четвертой подразумевалось бы *На пути*. Не за-

трагивая реализаций первого ряда (*В доме*) к гостье / гостям и второго ряда к приятелю / недругу (вспомнил / злоумышляет), отвлекаясь и обобщая, то, что *В доме*, можно представить позицией, соотносимой с *Упала / Остался*, как нечто в его в себя принимающей статичности, как то, что предполагает в своем совершении необходимость вхождения, включения извне для того, чтобы состояться.

На конкретном примере с гостями, который следует понимать отвлеченно, а потому вне гостей, гость будет тем, кто придет, и его совершающая себя реализованность будет *В доме*. Переводя это все в обобщающий вид, следует говорить о некоем *A* с его положением к *B*, при котором некое *C*, появляясь для *A* в его *B*, прилагаясь к этому его *B*, реализует для *A* получаемое из этого появления и приложение значение. Отсюда *Упала / Остался* для *B*, т.е. *В доме*, для данной проекции, равно как в той же проекции *A* будет тем(и), к кому гость (гости) придет, а *C* приходящим(и). Некое совершение осуществляет себя как внесение (инфузив): *C* становится *C* в отношении *A* в его *B*. Подобного рода действия и проявления также составят одно из категориальных значений сигнификативного класса.

В свою очередь, то, что имело своим отношением к булавке и ведрам, попавшемся *На пути*, при *Увидеть*, *Встретить*, *Найти*, оформляет себя как динамический по своему характеру иллатив вхождения, вступления, наступления. Нечто осуществляет себя как полученное, достигну-

тое в движении продолжения, положение. На конкретных примерах: то, что вспомнил приятель, злоумышляет недруг, с одной стороны, имеет своим началом в дальнейшем своем развитии мысль, некий образ в сознании у приятеля / недруга, который, разившись, достиг положения *вспомнил / злоумышляет*. В примере с ведрами: то, что дело окажется безуспешным, задуманное не исполнится, а также несчастье / счастье к дурным / хорошим вестям, будет также иметь свое начало с дальнейшим развитием к благополучному либо неблагоприятному, получаемому субъектом, концу. *На пути*, таким образом, следует относить, перенося его как положение от увиденно-встреченного (булавки, ведер), к субъекту, который увидел их, встретил, нашел, который и сам *На пути* в своем деле либо задуманном, равно как и в том, что его, совершаясь и уже совершившись, ждет, как счастье либо несчастье, с хорошими либо дурными вестями. Вхождение (иллатив), таким образом, следует понимать в совмещенном и одновременном субъектно-осуществляемом отображаемом состоянии, – для субъекта в том, что он в себе развивает (начатое дело, задуманное) либо в том, во что он вступает применительно к счастью / несчастью, своему, в себе, для себя.

Выделенные внесение (инфузив) и вхождение (иллатив) следует интерпретировать как значения, скорее всего не единственные, еще одной оформляющей категории сигнификативного класса, с тем отличием от выделенной ранее

как форматив, что не концептуально преобразенный образ, находящий свое выражение в том, что стоит, воспринимаясь, за вилкой, листком от веника, ведрами или булавкой, а нечто иное, проявляемое как импульсирующий характер предполагаемого осуществления, в динамике либо статике продукта.

О соотношениях категорий

Прежде чем пойти дальше в анализе выбранных с их проявлениями к сигнификативному классу примеров, имеет смысл задуматься над полученными в их значениях категориями, постаравшись увидеть стоящий за всем этим генеративный и генерирующий механизм. Попробуем, отвлекаясь, а потому обобщенно, представить, как можно было бы в связях и соотношениях организовать (имея в виду предметный мир поверий-примет в его концептологическом повороте) то, что названо было посыл (миссив), подрыв (аффлиktiv), результат (результатив), получение (акквизитив), образ (форматив) и характер осуществления (продуктив), а также, ранее, субъектное подключение (акцессив) и стечение обстоятельств (декурсив).

Первое, что приходит в голову, к тому же не требуя дополнительных усложняющих уточнений, при указанном перед тем отвлечении от возможных конкретизирующих реализаций, можно определять как возможность объединения восьми перечисленных как категории проявлений в пары – посыл с подрывом, результат с получением, образ с характером осу-

ществления, субъектное подключение со стечением обстоятельств. И затем далее вывести общую схему, в которой первая пара составила бы воздействующую (на субъекта-объекта) позицию; вторая пара – позицию достижения, третья – инструментальных, медиативных, реализующих средств и четвертая – того, что себя бы определяло в отношении субъекта. И это было тем, что составляет основу и смысл того, что находит свое отражение в сигнификативе, для предметного мира поверий-примет, с дальнейшими, выведенными и охарактеризованными перед этим значениями всех восьми составляющих.

Воздействие

Образ

Посыл

Результат

Средства

Подключение

Субъект

Стечение

Достижение

Осуществление

Подрыв

Получение

Воздействие

О традиционных проекциях встречаемых в повериях предметностей

Очередной пример из выбранных к сигнификативному классу не затрагивает по внешнему виду какого-либо положения субъекта. То, что горшок *разобьется* и в нем *не придется больше варить каши*, в общем и целом дело житейское. Хотя вместе с тем, если вспомнить такие имеющие к горшку выражения, как *горшки бить* в смысле ‘ссориться’, но не просто, а в доме, среди домашних, и не столько домашних, сколько мужу с женой, может точнее, жене с мужем и, тем самым, хозяйке со старшим, хозяином. Чего дополнением может служить еще одно выражение, связываемое с супружеской или близкой к супружеской парой – *Горшок об горшок и врозь*, в значении ‘расстаться после какого-то вместе, совместно проведенного времени и житья’, по причине несходства и проступивших в своем накоплении расхождений. И к этому, выборочно, из В.И. Даля: *Гора съ горой*

не сходится, горшокъ с горшкомъ столкнется. Малъ горшокъ, да мясо варитъ. Малъ горшокъ, да угодникъ. Горшокъ с котломъ не напорится. Горшiku съ котломъ не биться. Не наше дѣло горшки лѣпить, а наше дѣло горшки колотить. Насыпъ по край мукой, такъ и горшокъ твой, отъ обычая такъ покупать горшки. Пусть (плохъ, худъ, малъ) горшокъ, да самъ большой. Худъ пирожокъ, да не пусть горшокъ. Былъ бы горшокъ, а покрышка найдется. На всякій горшокъ найдется покрышка. Былъ бы горшокъ, да было бъ в горшкѣ, а покрышку найдемъ. Горшокъ большой, а мѣста не много. Не столько мужъ мѣшкомъ, сколько жена горшкомъ, берега-етъ, приносить в домъ. Не горшокъ угодникъ, а стряпуха. Жена не горшокъ, не расшибешь (а расшибешь, берестой не перевьешь). Чего не варить, того нѣпочто в горшокъ валить. Что не варится, того и в горшокъ не кладутъ. Горшокъ на животъ, все заживетъ. Горшокъ брюха не испортитъ^{9*}.

Исходя из не прямого смысла, не случайно связываемого с горшком⁹, и не вдаваясь, в пусть и существенные, не столько знаково-символьные, сколько концептологические подробности, для горшка можно выделить связи с тем, что имеет свое отношение к достаточно близким контактам, к женскому, прежде всего как супружескому, и, тем самым, в его положении к своему мужскому, а также к интимной, эротиче-

⁹ * В.И. Даль, *Толковый словарь живого великорусского языка. В четырех томах*, Москва: Русский язык, 2000 (воспроизведено с издания 1955 г., набранное и напечатанное со второго издания 1880-1882 гг.), т. 1, с. 383.

ской и продуцирующей сфере. Из чего будет следовать, для примера с кашей, дочиста вышедшей из горшка, понимая вместе с этим данное положение (поскольку речь о поверии, а не о загадке с пословицей) не в метафорическом смысле, а несколько шире (ибо не так уж вроде бы важна утрата горшка, хотя и она для хозяйства имеет значение), – имеются основания все это относить к поражению либо утрате в сфере домашнего, и не только хозяйственного, в женском и женского в его отнесении также к мужскому. Или того, что связывается для сознания с хозяйкой, как старшей, ведущей и управляющей в доме.

Не следует это, однако, столь прямо и непосредственно воспринимать, переводя его в некое обобщенное, с женским параметром связанное и на него направляемое (равно как и от него), неблагополучие. Что-то в доме и применительно к дому треснуло, что-то в нем надсадилось и произошло, что ударило по горшку, возможно при этом, что и горшок износился, и ему срок подошел, либо, и это также возможно и не исключено, либо нечто вскорости произойдет, что, опять же и по тому же горшку, ударит. Причины подобного обстоятельства могут быть разными и в поверии, что очевидно, не будут быть отражены. Важно, значимо и объяснимо другое, – речь идет о подрыве (выделенный ранее аффлиktiv) и, тем самым, воздействии, направляемом, точнее уже направленном, на сферу домашнего не пораженного положения, не обязательно, а скорее всего, неизвестно, имеющем ли источ-

ником человеческое или нечеловеческое происхождение. На сферу домашнего не пораженного положения, что видится немаловажным добавить, в женском его компоненте, понимая под этим хозяйственную и экзистенциальную стороны бытия.

Аффлиktiv, или подрыв, представленный ранее в проекциях 'недруг злоумышляет' и 'сглаз', дополняется поражением домашне-хозяйственного состояния в ожидаемом 'разбиться горшке', в котором *не придется больше варить каши*. Вопрос заключается в том, составляет или не составляет одно, другое и третье такое отличие, которое можно укладывать в типологически обусловленную каким-либо образом дифференциацию. И будет ли это отличие обобщенно категориальным либо таким, которое следовало бы относить к его составляющим смысловым единицам.

Первое, что представляется обобщающим в этом ряду, было бы различием по источнику. Воздействие, исходящее от человека, а потому волевое, осознанное в своей вредоносности, направляемое и управляемое, для первых двух случаев, при булавке, их обуславливающей, и отсюда немаловажный концептуально-образный, формативный, параметр для нее. Булавка воспринимается внутренне, будучи острой, точнее имея острый и с этим тупой при головке конец, как то, что реализует, способно реализовать, в виде знакового ('недруг злоумышляет') либо манипулятивного (от 'сглаза') средства то, что укладывается в представляемый аф-

фликтив. И воздействие, не воспринимаемое как исходящее от человека, при горшке, но как разлито неопределенное, как ожидаемая данность, без представления об источнике как таковом. К тому же не манипулятивное, и не средство, а то, что само испытывает подрыв поражения на себе, становясь, в результате, не то, чтобы предостерегающим, сколько показывающим, объявляющим знаком подрыва и поражения в отношении домашне-хозяйственном, а не субъектно-адресативном. К этому также имеется концептуально-образный и формативный параметр, более общий, широкий и многозначный, в отличие от булавки, связываемый с горшком как округлой, *облой*, по определению В.И. Даля, емкостью, предназначенной для приготовления пищи в ней, обычно в печи, на огне.

В результате выводятся стоящие за всем этим сферы домашне-хозяйственного и субъектно-адресативного положений, с представлениями о знаке и с этим возможным средстве (булавка) и знаке как объясняющем и испытывающем на себе объекте (в горшке), не обязательно предварительно, впрочем, и это возможно, – то, что связано, но не с одним человеком, а с родовой и семейной (поскольку для дома и в доме) совокупностью. Из этого будет следовать аффлектив агентивно-активного и объектно-пассивного, единично-субъектного и не единичного как совокупно-субъектного, домашне-семейного и кровно-родственного различий.

Значения, которые вместе с тем не следует воспринимать

как значения категориальные в отношении аффликтива, ибо они будут действовать и себя проявлять равным образом для чего-то другого. В то же время значения эти парадигматичны, относясь, однако, не к категориям разбираемого сигнификативного класса, а к тому, что, с одной стороны, обустроивает, организуя, представления о ситуации и онтологической сущности для предметов, следуя из общих мировоззренческих представлений (агентивность, активность, субъектность, объектность, пассивность, единичность, не единичность). А с другой, проецирует внутренние, концептуальные, представления, релевантные для предметного мира поверий-примет, и не только: субъект в адресативной его единичности в отношении воздействия на него со стороны чего-либо или кого-либо, и он же как действующее в таком же воздействующем, не обязательно при этом обратном, но инициируемом направлении лицо и также по своей природе субъект, понимаемый как совместно-единая совокупность подобных себе – община, семья, родня, товарищество, артель, коллектив и т.п.

То, что касалось бы аффликтива как категории сигнификативного класса, можно укладывать в противопоставление направленного (в булавке, с недругом, который злоумышляет, в сглазе, которого следует избежать) и не направленного (в горшке, которому разбиваться) воздействия как поражения.

Об уровнях проявляемых значений

Знаком направленного в аффликтиве воздействия будет также *Горшок*, который *в печке сильно шипит – к покойнику*. В связи с чем имело бы смысл обратить внимание на различия, встретившиеся в рассмотренных примерах для аффликтива, с тем чтобы установить их семантический статус. Будут ли они тем, что можно было бы относить к значениям категориальным, или же эти отличия предполагают возможность другого уровня. Имеется в этом случае то, что определялось в примерах как *против тебя злоумышляет недруг*, *Чтобы никто не сглазил* (в булавке), через представление о сглазе с чьей-либо стороны, а также *горшок*, в котором *не придется больше варить каши*, поскольку *он разобьется* и из последнего из приведенных – *к покойнику*.

Можно было бы задаваться не то, чтобы не случайным, но, с одной стороны, очевидным, а с другой, концептуально отмеченным по своему характеру и виду вопросом, касающимся определенности либо неопределенности применительно к недругу, к тому, кто способен сглазить, и, но в ином проявлении, минуя разбивание горшка, к тому, кто станет покойником. Хотя это последнее представляет не агентивный, а объектно-пассивный ряд: не тот, кто производит или способен произвести то, что приведет к поражению, но тот, кого оно неизбежно постигнет.

Очевидным в своем разрешении данный вопрос предстает потому, что поверия, равно как и другие подобного рода тексты, имеющие гадательно-объясняющий смысл, будучи от-

влеченными, конкретизируют себя в применении к адресату. Тот, к кому это обращено, или тот, кто это к себе применяет, будет знать, а скорее, узнает или может узнать, кем для него выступает недруг и кто мог бы сглазить его.

В концептуально отмеченном отношении для предметного мира поверий-примет приходится говорить о таком данном мира устройстве, в котором имеются функции, заполняемые такими, обобщенно воспринимаемыми по своему проявлению, позициями, как 'недруг', 'тот, кто способен сглазить' и пр. Позиции эти исходны и применительно к текстам поверий-примет, а также чего-то другого, ничего, помимо себя самих, не имеют в виду. Мир, о котором речь, так устроен, что в нем это так себя представляет. В связи с чем не приходится говорить о какой-либо конкретизации с перенесением функциональной позиции на конкретный объект, воспринимаясь таким концептуальным и внутренним образом, за которым стоит положение о том, что «Ты, как человек и будучи человеком, находишься неизменно в таком окружении, в котором имеются недруги, те, кто способен сглазить, равно как и все остальные и всё остальное, в определенных позициях и отношениях для Тебя, одновременно будучи и не будучи как таковые людьми, но как позиционные для тебя положения, и как подобные положения всё это действует и воздействует на Тебя, через людей и не только через людей. И потому, с одной стороны, Тебе об этом необходимо знать, постоянно себе отдавая в этом отчет, а с другой, чтобы функ-

ционировать в так устроенном мире и существовать, быть готовым и ожидать, находясь в настороженно не расслабленном положении каждый раз на каждом шагу, чего-либо как результата возможного их проявления и действия».

Исходя из этого 'недруг' и 'тот, кто способен сглазить' было бы изначальной, виртуально-парадигматической, функцией (для Тебя) и концептуальной семантической единицей (в предметном мире поверий-примет), в отношении которой то, что 'злоумышляет против тебя' и 'чтобы никто не сглазил', следует понимать как вероятную или реальную актуализацию, которую, предотвращая либо себя по возможности от нее ограждая, следует, руководствуясь получаемым знаком (в булавке) либо ею же, но как инструментом, во избежание неприятных последствий, соответствующим образом перекрыть.

То, о чем речь, представляет собой механизм заложенного в повериях и приметах адресативного обращения. Так они действуют и для того существуют. Однако не в этом состояла поставленная перед этим задача установления заложенных в четырех приведенных примерах смыслового отличия, способного подвести к значениям категориального в отношении аффликтива уровня. Оттолкнемся для этого от характера полагаемого в них поражения, не упуская из виду выведенную перед этим направленность / ненаправленность.

Первое, что можно увидеть, в контексте все той же направленности и опуская указанное ранее различие в от-

ношении единично-субъектного для кого-либо одного и совокупно-субъектного для семьи или рода (что также, однако, не следует относить к аффлиktиву), было бы различием по своему виду модальным. То, что *против тебя злоумышляет недруг*, подается, оформляясь как факт в его презенсе. Недруг уже это делает в настоящее время, хотя результаты его такого воздействия на тебя не состоялись и не обязательны и не неотвратимы в их достижении. *Чтобы никто не сглазил*, соответственно, следует воспринимать, в отношении сглаза, как сослагательную модальность возможности, которую предполагается избежать. В то же время *горшок разобьется*, а также *к покойнику*, – по виду реальность неотвратимого будущего, а для предметного мира поверий-примет такой же уже состоявшийся факт, как то, что *недруг злоумышляет*. В этом мире данное положение сложилось и произошло, человеку же не дано его пока что увидеть, ибо он, по природе своей видит, тогда и лишь то, к чему сам, найдя его перед собой, подойдет.

На наглядном примере с булавкой, которая лежала в одну какую-то сторону острием, а в другую головкой, до того, как человек к ней подошел, закладывая потому и исходно определенный смысл, а то, что головкой либо же острием, становится очевидным тогда, когда ее некто находит, подходя к ней и с этим увидев на пути своем либо с той, либо с той стороны. Подойди он, а на деле не он, но еще кто-то, с другой стороны, та же булавка имела бы для такого ее увидевшего и

на нее *на-шедшего*, значение противоположное.

Из этого следует, что горшок уже разбился по своему существу и покойник в доме уже имеется, люди, домашние, находящиеся и проживающие в данном доме, пока что не видят того, поскольку в доме своем они к этому, по людскому времени своему, еще не подошли, не *на-шли* того, что уже, обращаясь к примеру с булавкой, в нем, состоявшись, лежит.

Опуская модальную сторону, обращаемся вновь к рассмотрению аффликтива. Для чего потребуется установить, отвлекаясь от тех и того, на кого поражение направлено, чем является, с точки зрения подрыва как вида воздействия, неважно при этом со стороны кого либо чего как источника, но как положения, — 'недруг злоумышляет', 'сглаз', 'горшок разобьется', 'к покойнику'. Что и как, при том и другом, поражению подвергается. Начиная с последнего, — дело не в смерти кого-то из близких как таковой, а в подрыве, имеющем вид и характер пробоя, вырывания, и с этим образованием дыры, в отношении некоей целостности, которая, но лишь для рассматриваемого примера, приобретает значением домашне-семейное состояние, в то время как для аффликтива это будет экзистенциональное, из данной субъектно действующей целостности, вырывание, какого-то, можно бы было добавить, ее составляющего звена, что можно представить в значении интегративного экстрактива.

К экстрактиву, видимо, также следует относить, но не интегративному, а партитивному (женское и хозяйственное на-

рушение имея в виду), то, что было выведено и, тем самым, стоит за 'горшок разобьется'. В свою очередь, 'сглаз', отличаюсь от 'недруг злоумышляет', предполагает порчу экзистенциально-физической, но не столько целостности, сколько ненарушенности в смысле валидности, понимая под этим физиологическое, психологическое, а также обусловленное социально, нормативно здоровое, не ущербное, не ущемленное, не побитое (как молью) положение и состояние. Что можно характеризовать (опуская представление об источнике и характере производства порчи, не существенные для аффликтива) как подрыв, связываемый с нанесением обращенного на валидность ущерба, определяя его по этой причине как валидный прессив.

Подрыв, заключенный в злоумышлении недруга, соответственно, можно было бы характеризовать, не столько в метафорическом, сколько в понятийно-предметном и, тем самым, концептуальном смысле, как подкапывание (ср., для подобия: *Не рой яму другому*, с добавлением *сам в нее попадешь*), не столько установление, выставление препон и преград, сколько нарушение, обрыв, нормативно организованного, неущербного, непораженного, экзистенциального, и социального в том числе, для кого-либо продвижения. Речь в данном случае не о целостности положения и состояния, которую нарушают, а о создании вырванности, ямы, рва, подкопа (на его жизненном и экзистенциальном пути) и, в экстремальном случае, прорвы, которая будет способна в се-

бя, уничтожив, объект поглотить. Определить это можно как субрутив^{10*} процессива для категориальной семантики аф-фликтива.

О соотношении левой и правой частей (состава поверия или приметы)

Попытаемся остающиеся примеры, выбранные для представления сигнификативного класса, рассмотреть не столько в отдельности, сколько в объединении, выводя наблюдаемые в типологическом проявлении группы каких-то подобиий. Первым таким из остающихся будет пример с горшками, имеющий отношение на сей раз не к дому, как внутреннему пространству и помещению в нем находящихся и проживающих, а к тому, что вне и одновременно внутри:

Если мужик везет по улице горшки > то на той улице не будет свадьбы.

Вне, поскольку не столько не в доме, хотя это также важно, сколько не в связанной тесно определенности тех, кто будет иметь отношение к улице, и при открытости, как продольной, сквозной, так и сверху (нет крыши), ограниченной полузакрытостью по сторонам. Внутри, поскольку осознается улица в каком-то включающем объединении, равным образом тех, кто, передвигаясь, находится в данный момент на ней, так и тех, кто на ней в домах своих проживает. Как пространство сквозного продольного перемещения, улица поз-

¹⁰ * Лат. **subruo, subruī, subrūtum, subruēre** ‘делать подкоп, подкапывать’; ‘подрывать, разрушать’; ‘портить, развращать’.

воляет, на ней находясь, что-либо возом вести (обращаясь к примеру), а будучи ограничена, как правило по сторонам, находящимися вдоль домами, она также и населена. Живущие на одной улице связаны между собой соответствующими объединяющими, "уличными" для них, отношениями.

Вопрос вместе с тем заключается в том, будут ли выведенные параметры проявления для улицы наблюдать себя в том, что в примере отражено. Важно ли то, что представленное в нем положение относится к улице или же то, что улица, для него не существенно, поскольку может быть также что-то другое. Для рассмотрения данного обстоятельства обратимся отдельно к правой и левой частям с тем, чтобы далее их в каком-либо соответствии соотнести.

То, что на улице, о которой речь, не будет свадьбы, можно и следует понимать вне связи с провозимыми по ней мужиком горшками. Свадьбы на ней не будет и без горшков. То, что горшки, на это неисполнение или же исполнение на ней (семантика комплетива) лишь указывает. Семантика комплетива, коль скоро об этом речь, изначально двойственна. Нечто осуществляет, реализуя себя, как (для данного случая) намечающаяся к ожидаемому разрешению свадьба или, напротив, нечто осуществляет, опять же реализуя себя, таким образом, что свадьбы при этом нечто не предполагается. И то и другое действует как комплетив: свадьбы будет либо свадьбы не будет – равным образом есть его разрешение, поскольку изначально заложено или то, или то.

Еще одной стороной будет улица, в отношении которой быть свадьбы либо не быть для живущих на ней и для которой знаком подобного исполнения выступают провозимые по ней мужиком горшки. Не будем входить в знаково-символьную семантику этих самых горшков применительно к свадьбе, поскольку не в этом состояла задача, обратив внимание, с тем чтобы вывести подзначение комплетива, на соотношения, представляющиеся, исходя из перед этим сказанного, обратными.

То, что на данной улице не ожидается свадьбы (без указания временного периода), можно рассматривать в двух отношениях с точки зрения обобщенно себя отражающего, хотя не прямо, субъекта, также двойственного в укрытом своем положении. Того, кто наблюдает горшки и, тем самым, обозначаемом ими несостоянии узнает, и того или тех, кого данное несостояние прямо либо непрямо касается, представляясь в виде потенциально несостоявшегося субъекта-объекта свадьбы и тех, кто, находясь и живя на улице, выступают в роли потенциальных в ней соучастников (поскольку на улице свадьба). Два отношения, о которых речь, заключаются в том, что, с субъектной, но обобщенной, не дифференцируемой, позиции, свадьба, с одной стороны, либо желательна, либо могла бы или должна была, по каким-то соображениям, быть. То есть имела бы интенционально направленный и ориентированный характер (возможно, предполагая кого-то). А с другой, не направленный и не ориентиро-

ванный, не имеющий кого-либо из проживающих на данной улице как субъекта-объекта в виду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.